

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ В ПОИСКАХ СОКРОВИЩА

«История, которая
отзовется в сердце
каждого любителя
приключений».

@rommybooks

Ася Лавринович
В поисках сокровища
Серия «Young Adult. Инстахит»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65715769
В поисках сокровища: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-122143-0

Аннотация

Семнадцатилетняя Сима Шац – девушка с непростой судьбой и сложным характером. Будучи изгоем в классе, она давно перестала верить в доброту людей и чудеса. Лев Стахович – одноклассник Симы и полная ее противоположность. Популярный и уверенный в себе парень из обеспеченной и любящей семьи. Этих двоих не ничего связывало до тех пор, пока Льву не пришлось стать репетитором Симы. Узнав девушку получше, Лев соглашается на авантюру: на летних каникулах они отправится на поиски настоящих сокровищ. Лев и Сима даже не подозревали, как сильно изменится их жизнь после этой поездки.

Новинка от Аси Лавринович, одного из самых популярных молодежных авторов. Суммарный тираж ее книг составляет почти 100 000 экземпляров. «В поисках сокровища» – милая, легкая история, наполненная добротой, теплом и, конечно же, любовью. Ася стала известной благодаря публикациям на онлайн-

платформе Litnet. Ее книги в Сети набрали более 5 млн прочтений.

Содержание

Пролог	6
Сезон первый	8
Серия первая, пилотная	8
Серия вторая	29
Серия третья	49
Серия четвертая	68
Серия пятая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ася Лавринович

В поисках сокровища

Художественное оформление Александра Андреева
Иллюстрация на переплете Елены Баренбаум

© Ася Лавринович, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

Раненый князь Андрей Болконский точно так же лежал под высоким небом Аустерлица, раздумывая о вечности, силе и своей ничтожности перед миром, как и я в эту минуту.

Тогда вокруг свистели ядра, и меня тоже на секунду оглушило разорвавшимся снарядом, а затем наступила странная, звенящая тишина, из-за которой я еще больше перепугалась. Решила, что навсегда потеряла слух, но затем до меня донесся веселый беззаботный щебет птиц в высоких кронах. Ярко светило июньское солнце, жаркие лучи обжигали лицо... Будто ничего не было. Ни погони, ни слез, ни поцелуев под проливным дождем, ни поисков этих чертовых сокровищ...

Тело страшно ломило. Я попыталась пошевелить руками и ногами... Получилось. Значит, переломов нет. Не хватало в очередной раз сломать себе что-нибудь, находясь вдали от дома...

Я чувствовала себя разбитой, в животе все еще сжималось от страха. Где-то рядом прожужжал шмель. А потом я услышала знакомый и любимый голос, который звал меня по имени... «Си-ма! Си-ма!» Тогда я облизнула пересохшие губы и попыталась крикнуть в ответ: «Я здесь!», но не смогла... После пережитого не было сил. Не переставая улыбаться, я закрыла глаза. И вдруг поняла, что пусть я ничтожна перед этим небом в лохматых облаках, перед могучими зе-

леными кронами, перед птицами, перед всем сумасшедшим миром. . . Пусть. Все это больше не важно. Я отыскала сокровище, о котором раньше даже не мечтала. А еще у меня есть самое главное – жизнь. И я впервые за долгое время ее ценю и чувствую. И хочу чувствовать всегда.

Сезон первый

Серия первая, пилотная

Сима

Мама всегда твердила, что у меня «говорящая фамилия». Шац – «сокровище». Ее сокровище. Странно немного, что называла она так только меня, ведь у нас с папой одна фамилия. Мама же оставила свою девичью – Богомаз, в память о родителях. Фамилию мужа брать категорически отказалась. Хотя отношения у мамы и папы были прекрасными. По крайней мере, так мне всегда казалось. Они искренне и нежно любили друг друга еще со школы. Как и обещали, до того самого дня, пока их не разлучили страшные обстоятельства...

Да, «сокровищем» я была только для мамы. Остальные как-то не желали разглядеть во мне диковинную драгоценность. Скорее всего, потому что я ею и не являлась никогда. Обычная девчонка без выдающихся способностей. Таких пруд пруди. Внешность тоже самая заурядная – невысокий рост, темно-русые волосы и чрезмерная худоба, кото-

рая мне по жизни только мешала. Эти постоянные глупые вопросы: «Ты вообще ешь что-нибудь?», «Тебя ветром не уносит?», «Проверься, деточка, у врача. У тебя явно дефицит массы тела». Нередко приходилось отвечать таким «умникам», что дефицит исключительно у них в мозгах.

А еще мое имя... Его я ненавижу с детства. Се-ра-фи-ма... Мама назвала меня так в честь своей любимой двоюродной бабушки, которую я и не видела никогда. Серафима. Сима... Может, это имя и шло моей старой дальней родственнице бабе Симе, но мне точно никак не подходило. Всю жизнь я мечтала, чтобы меня звали как-нибудь попроще... Обычно. Катя, Лена, Аня, Оля... Мало ли на свете таких имен. Но Се-ра-фи-ма?.. Моя мама, сама того не желая, очень нехорошо надо мной подшутила.

Был конец апреля, но день казался по-осеннему пасмурным и недобрым. В старом сквере ветер подгонял ворох прошлогодних листьев, раскачивал ветви еще голых деревьев. Дорога от дома до школы занимала полчаса, но я каждый раз плелась туда как на расстрел, поэтому путь казался мне бесконечным. Как-то не сложилось у меня с новой школой. С учебой, с учителями, с одноклассниками... В элитную гимназию я перевелась в начале восьмого класса благодаря маминной лучшей подруге, которая работала здесь директором. Но влиться в коллектив у меня так и не получилось. Новый класс оказался просто кошмарным. Недружелюбные, озлобленные, избалованные детки местной элиты. Если у те-

бя нет денег на новый айфон и модные шмотки – то ты здесь не крутой. Разумеется, я не прижилась. И все бы ничего, сдались они мне все... Если б меня не трогали. Но периодические смешки и подколы выводили из себя. А с недавнего времени особо «одаренные» перешли от слов к действиям. То рюкзак из раздевалки пропадет, то в душевой после физкультуры запрут. И как любить эту школу? Мне давно пора было дать им отпор. Только чаще всего духу не хватало. Да и связываться со всякими дурами не особо хотелось. Но все-таки я допускала мысль, что когда-нибудь мое терпение лопнет и я им всем покажу... Но в тот день, пересекая безлюдный тихий сквер, я и подумать не могла, что отпор придется давать так скоро...

В школу я явилась чуть ли не со звоном. Долго простояла в очереди в гардеробе, а когда зашла в класс, географа все еще не было. Зато все «любимые» одноклассники расселись по своим местам. По кабинету пробежал странный шепоток, и я заметила, что практически все взгляды устремлены только на меня. И, не чуя подвоха, я все-таки поплелась к своему месту – последней парте в третьем ряду. С моим ростом и не очень хорошим зрением – не самое удачное место. Но никто уступить мне не захотел. Учителя тоже не были заинтересованы в том, чтобы пересадить меня ближе. Толку от такой ученицы, как я, на уроках мало. На занятиях я преимущественно отмалчивалась и никогда не проявляла инициативу.

– Доброе утро, – буркнула я своему соседу по парте, Стасу

Петрушину, и бросила рюкзак на стол. Стас быстро и как-то затравленно поднял на меня глаза, а затем тут же их опустил и устался в раскрытый учебник.

Я плюхнулась на стул и почувствовала что-то мягкое и мокрое под своей пятой точкой. И звук при этом в непривычно тихом классе раздался какой-то странный, чавкающий... Я тут же привстала и обнаружила под собой неоновую салатовую слизь. Тягучую и неприятную. Чао-какао моим джинсам. Единственные приличные, между прочим... Теперь придется ходить на уроки в этой ненавистной юбке от школьной формы. Через пару парт от меня послышался противный смешок. Тут к гадалке не ходи... Эту гадость мне на стул подложили Даша Бурыкина и Юля Шандарева. Не знаю, почему они невзлюбили меня с самого начала... Только уже два года прохода не давали.

Я продолжила с невозмутимым видом сидеть на этой неприятной жиже. Географ по-прежнему не приходил. Оглядела притихший класс, при этом поочередно встречаясь с насмешливыми или сочувствующими взглядами. Они все знали, что произойдет, и никто меня не предупредил. Даже Стас. А это было обиднее всего. Его поступок я расценила как предательство.

– Ну ты и сволочь, Петруша, – негромко сказала я.

Стас по-прежнему не поворачивал ко мне головы.

– А я че?

– Действительно.

Мне казалось, что Стас – единственный, кто в этом классе принял меня. Мы с ним довольно сносно общались и даже давали друг другу списывать.

Стас молчал, понуро опустив голову. В классе он, как и я, не пользовался особым авторитетом, поэтому лишний раз предпочитал молчать в тряпочку. Но то, что он и в этот раз останется в стороне, стало для меня ударом.

– На чем хоть я сейчас сижу? – угрюмо спросила я, доставая из рюкзака тетрадь и учебник. Вскрывать с места и на глазах у всех позорно убегать в туалет с зеленым мокрым задом пока не хотелось. Еще успеется. Не хватало только разреваться горячими слезами при всем классе.

– Это слайм, – «обрадовал» меня Стас.

– Чего-чего?

– Ну ты и деревня, Сима. Слайм... Моя сестренка такими увлекается.

– И-и-и? – протянула я с кислым выражением лица.

– И-и-и, кажется, это не отстирывается, – с сожалением в голосе сообщил Стас. А затем негромко добавил: – Прости меня.

Сердце все-таки предательски громко заколотилось. Это только первый урок, и уже такая подстава. Кто до этого додумался? Уставившись перед собой в одну точку, я долго смотрела на доску, стараясь все-таки не заплакать. А когда отвела от доски глаза, то сразу встретила взглядом с Дашей Бурькиной.

– Ну, как тебе сюрприз? – криво усмехнувшись, спросила Даша.

Все-таки это они. Мне хотелось их убить. Прямо здесь придушить, при полном классе, до прихода географа. Но перед этим высказать все, что накопилось. Но я почему-то молчала. В горле образовался неприятный ком, который никак не сглатывался. Бурыкина и ее закадычная подружка Юля Шандарева и раньше устраивали подлянки, но делали это после уроков, когда поблизости никого не было. Наверняка это они заперли меня в раздевалке... У меня не было доказательств, чьих это рук дело. Но я всегда знала, кто не дает мне жизни в этой школе. Как-то еще в восьмом классе я поспорила с ними, и вот же – прицепились и все никак не отвяжутся.

– Шац, солнышко, ты оглохла? – пощелкала пальцами Шандарева, чтобы привлечь к себе мое внимание.

А я не могла взять в толк: с чего это они вдруг осмелели и решили действовать в открытую, перед всем классом? И почему остальные их боятся? Две тупые выскочки, которые возомнили себя королевами школы.

Я не находила обидных слов в ответ. Я вообще никаких слов не находила.

– Цукерберг ходит в одной футболке, потому что не парится над имиджем, – язвительно начала Шандарева.

– Но Симка – не Марк, – возразила Бурыкина.

– Точно, совсем не Марк. У Марка просто сотни одинако-

вых футболок, а у Шац одни штаны на все случаи жизни...

– Зачем вы это сделали? – перебила я их дурацкое выступление. Наверное, они думали, что со стороны это может показаться смешным. Но мне было совсем не до смеха. Из-за негодования и скопившихся в горле слез мой голос прозвучал глухо и незнакомо.

– Нам стало интересно, есть ли у тебя другая одежда.

– Ты эти джинсы стремные хоть стираешь?

– Придешь завтра в школу без штанов?

– Наверное, все шмотки папаша пропил, – предположила Шандарева и противно заржала. Тут я не выдержала и все-таки вскочила с места. Стул со страшным скрипом проехался по паркету, а затем с шумом грохнулся на пол.

– Сима! – испуганно воскликнул Стас, хватая меня за руку. – Куда тебе...

Действительно, куда мне? Шандарева и Бурькина были выше на целую голову. Юля даже моделингом занималась. Но это не означало, что я пропущу мимо ушей обидные слова, которые касаются моего отца.

– Что ты задумала? – зашипел мне вслед Петрушин.

Остальные продолжали смотреть на меня с интересом. Эти две коровы с места не сдвинулись и принялись ждать, когда я к ним подойду. Быстрым шагом я прошла мимо их парты, по пути прихватив чью-то сумку, которая лежала на краю стола.

– Эй, Шац, ты офигела? – вскочила со своего места Юлька

и двинулась за мной. Я же проворно юркнула между рядов, подскочила к окну и, раскрыв его, выкинула сумку со второго этажа. Шандарева заверещала как резаная:

– Идиотка! У меня там косметичка и телефон!

Когда я это делала, честно, не думала о последствиях. В голове будто туман был, который тут же рассеялся, когда я заметила, как из-за парты выбирается разъяренная Дашка. Вдвоем они подскочили ко мне практически одновременно. Шандарева схватила меня за волосы и потянула вниз, пытаюсь повалить на пол. Я, разумеется, упиралась. Рядом с доской и учительским столом началась шумная возня. Я старалась не кричать и тоже схватила Юльку за волосы. Мне даже удалось выдрать клочок наращенной светлой пряди. Шандарева в отличие от меня не молчала, а верещала; Бурыкина больно царапалась. Никто не спешил ко мне на помощь и не хотел нас разнимать. Я не видела лиц «любимых» одноклассников, но была уверена, что многие в этот момент схватились за смартфоны. Что ж, отлично... Прославолюсь на всю школу. Это в лучшем случае. В худшем – на весь город.

За меня никто не болел. Силы оказались не равны. Одноклассники подбадривали Юльку с Дашей. И тем все-таки удалось повалить меня на пол. Разъяренная Шандарева ударила по лицу. Я, стиснув зубы, пихалась ногами и молила бога, чтобы географ скорее пришел в класс. Но, как назло, его не было. Я махала руками и царапалась в ответ. Сердце тяжело билось, в голове шумело, адреналин бурлил в крови.

Впервые в жизни я решила дать сдачи...

Все закончилось неожиданно. Разъяренные Шандарева и Бурыкина как-то резко отлетели в стороны, а меня одним рывком подняли, как тряпичную куклу. Я так и осталась стоять с длинной светлой прядью в руке.

– Вот тварь какая! – прошипела Юлька, ощупывая свою растрепанную голову.

– Сумку иди ищи в кустах, а то утащат барахло, – посоветовала я, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание.

Шандарева снова было ринулась на меня, а я собиралась наброситься на нее в ответ... Но тот, кто нас разнял, притянул меня и прижал к себе. Затылком я почувствовала чью-то крепкую грудь.

– Совсем сдурели? – услышала я над ухом хриловатый голос одноклассника – Льва Стаховича.

– Лева, она мою сумку из окна выбросила! – капризно надула губы Шандарева. Я, глядя на нее, едва сдерживала нервный смех. Не знаю, как сама выглядела со стороны, скорее всего, неважно, но Юлька смотрелась весьма потешно. Все-таки удалось и мне ей как следует вмазать. Лохматая, расцарапанная и страшная, как смерть. Значит, не в весе и росте дело...

– Лева, осторожно, у нее задница грязная, – предупредила Бурыкина.

Лев легонько меня оттолкнул, и я резко обернулась. Противный зеленый слайм, сползающий с моих джинсов, отпе-

чатался и на школьных брюках Стаховича. Пол, на котором я валялась, тоже был зеленым и липким.

Лев оглядел свои испачканные штаны и поднял на меня темно-карие глаза. Такие колючие, что мне на секунду стало не по себе. Я понятия не имела, сколько стоили его брюки. Наверное, дорого. Но я уж точно не нарочно их испачкала, Лев сам ко мне прилип. Нечего было жаться... Конечно, в любое другое время я бы жутко смутилась, если бы Стахович вот так прижал меня к себе... Если честно, Лев мне всегда немного нравился. Совсем чуть-чуть... И я могла бы сейчас точно так же, как и овцы-одноклассницы, заблеять: «Лева! Они мне на стул эту гадость вылили!», но я лишь сказала:

– Эти дуры первые начали.

– Ты кого дурами назвала? – в один голос заверещали Шандарева и Бурыкина.

Дашка снова собралась кинуться на меня с кулаками, но Лев встал между нами и схватил Бурыкину за руки.

– Успокойся, – грубо сказал он. – Хочешь, чтобы у тебя были проблемы?

– Было бы из-за кого, – глядя исподлобья, фыркнула Даша. – Это ее отчислить надо. Или засудить. Чужое имущество портит.

Шандарева, словно только вспомнив о выброшенной сумке, вылетела из кабинета, едва не сбив с ног растерянную русичку, которая заглянула к нам.

– Анатолий Валентинович попал в больницу с высоким

давлением. Урока географии не будет, – сказала она. А затем внимательно осмотрела притихший класс. – Вместо этого я проведу русский язык. А что здесь, собственно, происходит?

Теперь она не сводила взгляда с меня и потрепанной Дашки. Но мы молчали. Разумеется, до поры до времени. Стерва Бурыкина не выдержала и плаксивым голосом начала:

– Шац Юлькину сумку из окна выкинула! А там айфон и дорогая косметика...

– А еще люди под окнами ходят, – подал голос с первой парты ботаник Антон Шаврин.

– Там тупик и газон, – тут же огрызнулась я. – Никто под окнами не ходит.

Русичка уставилась на Льва, чтобы он прояснил ситуацию, но Стахович сердито буркнул:

– Я ничего не видел, опоздал. Пришел, а они уже дерутся.

– Серафима, это правда? – нахмурившись, спросила русичка.

– Правда, – негромко отозвалась я. Но из-за чего все началось, говорить не хотелось.

– Они ей лизуна на штаны прилепили, – наконец выкрикнул Стас.

– Единственные, между прочим, – заржали с задней парты первого ряда.

– Обе марш к директору, – строго велела русичка. – Госпожа Шандарева вернется, и ее пригласим. Стахович, контролируй, чтобы до кабинета голубушки наши все-таки

дошли...

– Ага, – отозвался Лев таким тоном, в котором читалось: «Делать мне, конечно, больше нечего».

В сопровождении Стаховича мы с Бурькиной поплелись в кабинет директора. А я в очередной раз подумала о том, как сильно хочу сбежать из этой ненавистной школы и больше никогда в нее не возвращаться.

Лев

Когда мы втроем вышли из класса, Бурькина, осмотрев Шац и презрительно фыркнув, первая гордой походкой направилась по коридору. Сима как-то затравленно посмотрела ей вслед, а затем, скользнув по мне взглядом, последовала за Дашей.

– Сима, – позвал я, когда Шац ушла немного вперед.

– Чего тебе? – не очень вежливо отозвалась Сима, обернувшись. – За брюки испачканные извиняться не буду. Сам ко мне приклеился.

– Плевать на брюки, – сказал я, хотя, честно признаться, это было не так. – Держи.

Я протянул ей свой школьный джемпер. Понятия не имею, зачем это сделал. Просто захотелось. Столько смешков доносилось в сторону Шац, стало ее жалко. Учитывая, какая ситуация произошла у нее в семье... Тетка тогда нам с Лилей все уши про жужжала.

– Хочешь, чтобы я и его замарала? – искренне удивилась Сима.

– Плевать, – снова сказал я.

– Конечно, у тебя... у вас всех. Это ведь не единственные шмотки, – рассерженно проговорила Шац. Будто в этом была наша вина. – Легко быть благородным.

Я ни разу не общался с Симой, но всегда думал, что она немного чокнутая. Нелюдимая и сложная. Что трудного просто принять помощь, если тебе ее искренне предлагают?

– Ну и ходи с липким зеленым задом, – сказал я, пожав плечами. Накинул джемпер обратно на плечи. Не на коленях же мне ее умолять.

– Да запросто, – хмыкнула Сима, развернувшись. – Пусть это будет моей фишкой.

Она снова двинулась вслед за Бурыкиной к кабинету директора.

– Такая себе фишка, – возразил я, зачем-то по пути продолжая пялиться на зеленую задницу Симы. Стоит признать, что эти джинсы очень даже неплохо сидели на Шац.

– Какая есть. Надо будет, я и завтра так приду.

Я не знал, кому это может понадобится, но почему-то в Симе не сомневался. И еще почувствовал себя очень глупо, следуя за Бурыкиной и Шац. Вообще меня бесила эта роль конвоя, которой наградила меня русичка. Будто девчонки сами заблудятся. Но когда директриса – твоя тетка, все думают, будто ты автоматически становишься ее правой рукой...

На обратном пути встретил в коридоре Шандареву с зареванным лицом и сумкой под мышкой. Подумал, что теперь все-таки влетит Симе...

Когда я вернулся в кабинет, одноклассники сидели с кислыми рожами из-за незапланированного урока русского языка. Только я занял свое место, как ко мне тут же склонился сосед по парте Игорь Пашнин:

– Ну че, опять вчера встречался с Белорецкой?

Я уже жалел, что рассказал ему об Аксинье. Хотя он сам обо всем догадался, когда на одном из уроков при входящем вызове на экране высветилась ее фотка... Аксинья Белорецкая училась в нашей гимназии, выпустилась в прошлом году. Уже пару лет я был в нее влюблен. А два месяца назад мы пересеклись в одной компании и я, набравшись смелости, наконец смог с ней пообщаться. Оказалось, я тоже был симпатичен Аксинье, и ее даже не смущала наша разница в возрасте. Не знаю, для чего я в итоге растрепал о наших отношениях Игорю. Похвастаться хотел, наверное. Аксинья считалась самой симпатичной девчонкой в нашей школе. После того как она выпустилась, никто не смог занять ее место.

Но теперь я жалел о том, что Пашнин все о нас знает. Игорь мог опошлить любой разговор, и это в нем сильно раздражало.

– Встречался, – сухо ответил я, открывая тетрадь и выписывая из учебника номер упражнения.

– И че?

– Че?

– Как?

– Норм.

– Ну, старичок, это несерьезно, – забубнил Игорь, склоняясь ко мне все ближе и прячась от русички за впереди сидящими. Я почувствовал, что от Пашнина несет перегаром. – А подробности?

Я продолжил молча переписывать упражнение, давая понять, что не желаю делиться с ним никакими подробностями. Но Игорек не отлипал.

– А мы вчера завалились в один классный бар, обмывали права братишки...

– Я заметил, – хмыкнул я, имея в виду перегар и помятый вид одноклассника.

– Не был бы батя на больничном, я б в школу на фиг не пришел, – продолжил Игорь. Наконец русичка сделала ему замечание.

– Если вызовет к доске и почувствует, что от меня несет, мне не жить, – проворчал Игорь, опуская голову. – Я вообще-то тоже на батину тачку рассчитываю.

Мне было плевать, на что там рассчитывает Пашнин и получит ли он вожделенную тачку. Делиться с ним подробностями наших с Аксиньей встреч я точно не стал бы. Игорь мне никто. Вот Макс Марвин – друг детства, это другое. Благодаря ему мы с Аксиньей и стали общаться теснее... Марвин тоже окончил гимназию в прошлом году. Раньше учился

с Аксиньей в одном классе. Он всегда знал, что я сохну по Белорецкой, а тут подвернулся такой шанс, и он нас свел...

Упражнение делать было лень, поэтому я плюнул на все, отложил ручку и зашел в телефон. Переписывался с Аксиньей почти весь урок. Она в это время тоже сидела на лекции и скучала. Лишь изредка я хватался за ручку и делал вид, что что-то пишу. Пару раз ловил любопытный взгляд Игоря. Пашнин довольно улыбался и играл бровями: «Ты сейчас с ней? С ней, да? Счастливчик... Ух, я бы...» Тогда я отвернулся и больше не смотрел в его сторону.

Ближе к концу урока в класс вернулись Шандарева с Бурькиной, а Шац так и не пришла. Когда прозвенел звонок, все быстро повскакивали со своих мест и, наспех собрав сумки, направились к выходу. Я оглянулся. Стас Петрушин тоже поднялся, растерянно оглядел разложенные на парте вещи Шац, немного поколебался и, все-таки закинув за спину свой рюкзак, направился к двери. А я почему-то завис. Будто мне больше всех надо. Но утренняя драка выбила меня из колеи. Не скажу, что увиденное доставило мне удовольствие, хотя другие одноклассники улюлюкали и даже снимали происходящее на камеру. У меня же после случившегося остался какой-то неприятный осадок. Я вспомнил растерянное и перепуганное лицо Шац... Поэтому, когда класс уже наполовину опустел, подошел к последней парте третьего ряда и быстро поскидывал в чужой рюкзак разложенные вещи.

Даша с Юлей, негромко переговариваясь, до сих пор на-

ходились в классе.

– Левик, отлично! – сказала Бурькина. – Как соберешь ее пожитки, дай мне... Я с крыши спущу. Или в унитазе утоплю.

– Обязательно, – ответил я, не поднимая головы. Взял тетрадь Шац и зачем-то ее пролистал. Тетрадь не заполнена даже наполовину. Сима не особо парилась с ведением конспектов...

– Эта дура палетку теней за два косаря кокнула. Новую должна будет, – сказала Шандарева.

– Ты ей так-то тоже джинсы новые должна, – возразил я.

На это Юля лишь презрительно фыркнула:

– Да они ничего не стоят. Мы ей одолжение сделали вообще. Эти штаны давно пора на помойку отнести.

– Вы и мне брюки испачкали.

Юля с Дашей переглянулись и расхохотались:

– Ты, Левик, сам полез нас разнимать, тебя никто не просил. Если б ты не ввязался, мало бы ей не показалось.

Я вспомнил расцарапанное лицо Симы и решил, что ей и так неплохо досталось. Хотя Шандарева выглядела хуже. Забавно, раньше Юля казалась мне очень симпатичной. Но сейчас я почувствовал к ней брезгливость.

– Все равно стрясу с нее деньги за палетку, – сердито проговорила Шандарева. – И за телефон.

– Все-таки разбился? – спросил я.

– Фронталка больше не работает. Как селфи делать?

Я сомневался, что у Шац найдутся лишние деньги на косметику и ремонт айфона.

Собрав рюкзак Симы, я закинул его за левое плечо. Так и направился с двумя рюкзаками к выходу.

– Ты серьезно просто так его отдашь ей? – хмыкнула в спину Даша. – Ты, Левик, сегодня мистер благородство просто... Бросил бы тут.

– А мы бы пнули, – добавила Юля.

Интересно, чем так насолила Шац этим двум курицам? За бестолковым трепом с одноклассницами прошла пятиминутная перемена, и к кабинету директора я подходил уже со звонком на следующий урок. Мимо пронеслись галдящие пятиклассники. Тут же распахнулась дверь директорского кабинета, и показалась голова Симы. Шац воровато огляделась и, не заметив меня, вышла в коридор и гордо направилась в противоположную сторону от лестницы. Будто и не собиралась возвращаться в кабинет географии за рюкзаком.

– Шац! – окликнул я. Коридор быстро опустел. Сима обернулась и уставилась на меня, как на врага. Я даже опешил от ее сердитого взгляда. Будто это я драку затеял.

– Чего тебе? – грубо спросила она.

Ни фиги себе! Я ее сначала вытягиваю из потасовки, потом ей рюкзак собираю после уроков, как последний идиот, а она со мной разговаривает будто с ничтожеством.

Шац как-то странно покосилась на меня, а потом выпалила:

– Эти двое в кабинете Антонины Юрьевны все уши мне прожужжали про тени за две штуки... И сломанный айфон! Какой дурак купит такие дорогие тени? А ты по поводу брюк?

– По поводу брюк? – непонимающе отозвался я.

– Еще и за брюки твои стремные платить не буду, – буркнула Шац. – Идите вы все...

Ее фраза меня еще больше выбесила. Сказал же, что замяли. К чему она вообще?

– Почему это они стремные? Это «Хуго».

– Ху... А?

– «Хуго», – повторил я.

– Во-во, именно что... Ничего не буду тебе платить за всякие хуговые вещи.

– Тогда постирай, – разозлившись, неожиданно сказал я.

– Чего-о? – протянула Сима.

– Стирай.

Шац усмехнулась и гордо вскинула подбородок.

– Снимай, – приказала она мне в ответ и коварно улыбнулась.

Тогда я послушно звякнул пряжкой и потянул край ремня, а Шац тут же переменялась в лице, заметно смутилась и выпалила:

– Стахович, ты совсем придурочный?

Ее напускная маска крутой и грубой девчонки тут же куда-то подевалась.

– А что? – пожал я плечами, продолжая расстегивать ремень.

– Прекрати! – взвизгнула Сима, когда я следом расстегнул пуговицу на ширинке. – Мы же в школе!

Разумеется, я не планировал снимать брюки посреди коридора, пусть даже и во время урока, когда здесь никого не было. Но реакция Симы меня позабавила. А еще строит из себя такую дерзкую.

Симино «Прекрати!» разнеслось по пустому коридору. Дверь директорского кабинета тут же открылась, и на пороге показалась Тоня.

– Что случилось? – спросила она, с удивлением осматривая нас. Я уставился на Шац. Взгляд Симы метал молнии.

– Да так, общаемся, – отозвался я, застегивая ремень.

Шац обхватила лицо ладонями, а затем развернулась, чтобы убежать. Но я снова ее окликнул:

– Стой! Рюкзак твой!

Наконец Шац заметила, что за спиной у меня находится ее рюкзак. В ее глазах мелькнули недоверие и тревога. Сима вырвала у меня из рук свой рюкзак, буркнула «спасибо» и убежала.

В тишине было слышно, как мерно стучат ее каблуки на лестнице, а из приоткрытой двери класса в конце коридора доносится голос англичанки: «Let's continue from here...»

– Ты ее обижал? – строго спросила Тоня.

– Она сама кого хочешь обидит, – буркнул я.

– А почему ты не на уроке?

– Вещи Шац приносил. Она рюкзак из кабинета взять не успела... Дорогая Антонина Юрьевна, ты подумала о моем предложении?

Тоня посмотрела по сторонам, взглянула на наручные часы... Затем кивнула, приглашая меня в свой кабинет:

– Ладно, проходи. Что у вас сейчас? Геометрия? Скажешь, что я тебя задержала...

Серия вторая

Сима

Ляля болтался на турнике как сосиска. Пыхтел, сосредоточенно таращась в грозное темное небо, и на меня не обращал никакого внимания. А я, между прочим, уже несколько минут стояла недалеко от него. В закутке, нашем тайном месте. Турник и деревянную беседку от посторонних глаз укрывали кустарники. Правда, сейчас они стояли голыми... И «тайное место» на самом деле совсем не было тайным. По вечерам здесь собирались шумные компании из нескольких дворов. Кругом валялись пивные бутылки и окурки.

После посещения кабинета директора я решила не возвращаться в класс. Учебный день был потерян, но это меня не очень-то и расстраивало. Не могла же я ходить на все оставшиеся уроки в грязных штанах? В туалете сняла клетчатую рубашку и повязала ее на бедра, скрыв зеленое пятно на заднице. На голое тело натянула вязаный жилет от дурацкой школьной формы и сверху накинула куртку. Без рубашки жилет колот живот, и я довольно долго привыкала к этому неприятному ощущению, когда все тело чешется.

Видеться с «любимыми» одноклассниками больше не хотелось. Ни с идиотками Шандаревой и Бурькиной, ни с

предателем Стасом Петрушиным, ни со Стаховичем... Наш странный разговор со Львом в коридоре никак не выходил из головы. Почему я ни с того ни с сего наехала на него? После мозготрепки в кабинете директора решила, что и он попросит расплатиться за испорченную вещь. Хотя моей вины в том, что я испачкала ему брюки, не было. А тут он вдруг помощь предложил. Думала, Лев и не знает, как меня зовут...

Беседа со Стаховичем стала событием ярче, чем моя первая в жизни драка. Хотя и она, безусловно, оставила свой след на душе... Позорная, неприятная стычка, о которой хотелось скорее забыть. Да, обидчицы меня повалили на пол. Но я не сдалась и дала отпор. Я была горда, что все-таки смогла ударить в ответ.

И если бы не Антонина Юрьевна, я бы никогда не вернулась в эту школу. Забрала бы документы и забыла обо всем, как о страшном сне... Все мои неприятности начались с этой чертовой элитной гимназии. Раньше у меня была семья, нормальные одноклассники и даже школьные друзья... А потом все стало так стремительно рушиться, что я даже не сразу поняла, как это произошло.

После того как Антонина Юрьевна отпустила Шандареву с Бурыкиной, она взялась за меня. Снова начала твердить, как сильно волнуется и готова прийти мне на выручку в любую минуту. Я чувствовала, что она искренне желает мне самого лучшего. Все-таки она знает меня с самого детства... И осталась единственным близким взрослым человеком, не

считая отца. С нашей драки Антонина Юрьевна постепенно переключилась и на мою успеваемость. Вернее сказать – неуспеваемость. Нервно кусая губы, я все-таки пообещала, что возьмусь за ум и исправлю оценки. Я неплохо понимала точные науки, а вот к некоторым гуманитарным предметам не готовилась из принципа. Особенно к занятиям исторички... Хотя, скорее, – маразматички. Не знаю, как ее вообще допустили к работе с детьми... Она явно выделяла нескольких любимчиков, и я к ним не относилась. На кого-то историчке было плевать, а некоторых она откровенно гнобила. В том числе и меня. Она постоянно твердила, что я ленивая, глупая и в этой жизни ничего не добьюсь. Сначала мне хотелось доказать ей обратное и разубедить... Но все мои старания были тщетны. Историчка продолжала меня ненавидеть. В конце концов, я все-таки плюнула на все и поплыла по течению... Просто назло перестала готовиться к истории.

Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове, пока я, привалившись плечом к опоре беседки, «любовалась» на то, как Ляля безвольно болтается на турнике. Друг, раздетый по пояс, меня не замечал. Продолжал пыхтеть и хвататься за перекладину. Куртку и толстовку бросил на землю недалеко от турника. На улице было прохладно, поэтому я, глядя на эту картину, поежилась.

– Лялин, ты выглядишь как кусок мяса на вертеле, – все-таки не сдержалась и подала я голос.

Ляля перепугался, отпустил перекладину и опустился на

землю.

– Симка, ты че так пугаешь? – насупился друг, потирая ладони.

Я только звонко расхохоталась.

– У тебя какие-то проблемы? Ты чего повесился-то?

– Вот дура. Сама повесилась. Это я просто это... Уже устал... А так – почти сто раз подтянулся.

– Ну-ну, – хмыкнула я.

– Что «ну-ну»? Честное слово!

Ляля казался оскорбленным до глубины души. Я снова рассмеялась.

– Да верю я тебе, верю, – сказала я.

Вообще для своих шестнадцати Ляля был довольно крепким парнем. Выше меня на целую голову (хотя с моим ростом практически все парни были намного выше), широкий в плечах. Единственное, что выдавало в нем мальчишку, – белокурые кудряшки и ясные голубые глаза. А еще поздно сломавшийся голос, которого Ляля очень долго стеснялся. Друг до сих пор временами переходил на фальцет, чем очень меня веселил.

– Просто ты поздно пришла. Уже и отдохнуть нельзя, – продолжил ворчать Ляля, наклонившись за своей толстовкой. Куртку надевать не стал, просто перекинул через плечо. Эта куртка была Ляле уже давно мала, рукава на ней явно коротки.

– А ты чего сегодня так рано? С уроков смылась? – дело-

вито осведомился друг.

– Ну. Что там делать? – откликнулась я, машинально поправив рубашку на бедрах. Ляля проследил за моим движением, оглядел прикид и странно хмыкнул. Наверное, решил, что такую «моду» я подсмотрела у своих обеспеченных одноклассниц.

– А я вообще сегодня в школу не пошел, – наконец сказал Ляля. – Ты права, делать там не фиг. Кидай свой ридикюль на лавку.

Я сняла с плеча рюкзак и снова вспомнила о том, как Стахович передал мне его в коридоре. Зачем он собрал за меня сумку? Кто его просил? Почему именно он? Такая вроде бы мелочь, а засела ж в голове. Мы и не общались с ним до этого ни разу... Может, он в рюкзак какую-нибудь гадость подложил по наводке Шандаревой? Ну, не искренне же захотел помочь?.. А вдруг все-таки поступил так от чистого сердца? В школе я не особо распространялась о том, что происходит в моей семье... Но Стахович наверняка в курсе всего. Антонина Юрьевна запросто могла рассказать все своему племяннику. А Стахович просто смилостивился. О боже! Наверное, так и есть. Меньше всего на свете хотелось, чтобы меня жалели... Наверное. Тем более Стахович. Хотя Лев не производил впечатление сердобольного человека. Вечно колючий и угрюмый, будто обиженный на весь свет. До сих пор загадка, почему остальные к нему тянутся и чуть ли не в рот заглядывают, ожидая одобрения.

– Симка, ты чего на ходу заснула? – позвал меня Ляля.

– А? – тут же откликнулась я, так и зависнув с рюкзаком в руках.

– Вещи, говорю, бросай и присаживайся. Я тебе тут, между прочим, поляну накрыл. – Ляля широким жестом указал на беседку. И только сейчас я заметила на деревянной скамейке несколько небольших ящичков с какими-то неизвестными мне фруктами.

Я с подозрением уставилась на друга. С чего это вдруг он решил меня угостить? И как узнал, что я приду раньше из школы? Хотя в этой беседке мы проводили все свое свободное время с тех пор, как на улице потеплело. Место встречи изменить нельзя.

– Что это? – спросила я, оглядывая невиданные фрукты. Я признала содержимое лишь одной коробочки, в которой лежала клубника. – Откуда ты ее взял? Сейчас же еще не сезон. Она дорогушая.

– Угощайся, угощайся, – великодушно приговаривал Ляля, поглядывая на меня сверху вниз.

– А это что такое-то? – Я взяла одну из коробочек, в которой лежали странные шарики.

– Ты, Серафима, деревня, что ли? Там же все подписано. «Деревней» меня сегодня назвали уже второй раз за день. И первое мое «открытие» в виде слайма ничем хорошим не закончилось... Я снова с недоверием покосилась на Лялю. Наверняка сам не знает, что это, а еще умничает.

– Ман-гос-тин, – все-таки прочитала я. – А это? Ой, какие ежики смешные...

– Какие ежики? – вытянул шею Ляля. – Фаршированные?

– Это рамбутан! – счастливо хохотнула я. – Интересно, это вкусно? А вот ежик побольше... Ду-ри-ан!

Ляля с умилением смотрел на то, как я с восторгом разглядываю экзотические фрукты. И вообще выглядел таким довольным, будто сам все это вырастил на своей фазенде.

Ляля вынул руки из карманов спортивных штанов и подошел к лавке.

– Ну, двигайся, – подтолкнул он меня бедром, усаживаясь рядом, хотя на лавке еще было достаточно места. – Начинаем дегустацию! Ты бы что хотела первым попробовать?

Я указала пальцем на странную колючую шишку. Ляля достал перочинный нож, чтобы разрезать неизвестный нам ранее дуриан. Мы с Лялей в четыре руки кое-как его раскрыли и обнаружили странноватую желтую мякоть...

– Фу, ну и вонь, – поморщился Ляля, принюхиваясь.

– Просто чудовищная, – согласилась я.

– Он хоть не протух?

Мы тянули с дегустацией. Морщились и переглядывались, а затем все-таки разом решились. Ляля даже зажмурился на секунду. Жевали долго и при этом смотрели друг на друга, как два дурня.

– Ну, как тебе? – первым спросил Ляля. Рот его забавно скривился.

Я в ответ лишь неопределенно пожала плечами.

– На банан немного похоже. Кажется...

Ляля выплюнул диковинный фрукт.

– Фигня какая-то, – сказал он.

И хотя вкус у этого дуриана был все-таки лучше, чем запах, я тоже решила обойтись без добавки.

Друг протянул мне поддон с клубникой.

– На вот, заешь. Это хоть известное...

Но клубника на вкус оказалась пластиковой.

– И за что такие бабки с людей дерут? – возмутился Ляля.

– А сколько это стоит? – спросила я, с увлечением жуя клубнику. И пусть она оказалась не такой вкусной, как летом, аромат от нее шел просто невероятный. Он смешался с запахом весеннего грозового неба. Я даже на секунду забыла о всех неприятностях, которые поджидали меня в школе и дома. Вспомнила, как в детстве мы с папой ездили к маме в санаторий и покупали клубнику у старушек, торгующих у дороги. Тогда вокруг еще пахло пионами, и ароматы кружили голову. А над головой – синева. Бесконечная, беззаботная, летняя синева.

– Без понятия, – ответил Ляля, отправляя в рот очередную ягоду. – Так, а это у нас что? Так и не поймешь. То ли апельсин, то ли луковица... Не хочу первым пробовать. Сима, ты же у нас баба рисковая...

– погоди, погоди! – перебила я Лялю, не дожидаясь клубнику. Она у меня тут же поперек горла встала. И вся счастли-

вая синева из головы улетучилась. – То есть как это ты без понятия? Ты это не купил?

– Шац, ты дура? – искренне удивился Ляля. – Откуда у меня, по-твоему, бабки на этот дуриан? Хоть знаешь, сколько он стоит?

До сегодняшнего дня я даже не знала, что это такое... Что уж говорить о его стоимости. И только тут я обратила внимание на небольшой фургончик, стоящий рядом с фруктовой палаткой, которую держали крепкие ребята-кавказцы.

– Знаешь, Лялин, кто здесь единственный дуриан? Это ты, идиот! Ты своровал все эти фрукты?

– Ш-ш, Сима, – зашипел на меня Ляля. – Не так громко, пожалуйста.

Я принялась оглядываться. Листвы еще не было, и сквозь голые ветви кустарников нас было видно как на ладони.

– Не так громко? Ляля, ты – вор!

– Я – дегустатор, – важно поправил меня Ляля.

– Дегустатор фигов, мы ж прямо перед их глазами сидим и дегустируем!

– Да ладно тебе, они еще не хватились. Не разгружали товар... Нечего без присмотра оставлять.

Тут же из палатки вышел хозяин – внушительных размеров мужчина. А вместе с ним еще два крепких парня с такими суровыми лицами, что аж дурно стало. Мужики курили, поглядывали на неразгруженный фургон и о чем-то негромко переговаривались. Мы сидели прямо напротив, и у меня

от страха даже в висках застучало и в кончиках пальцев.

– Ляля, воровать нехорошо! – снова воскликнула я, не отрывая взгляд от курящих мужиков.

Вот один из них щелчком выбросил окурок и подошел к открытому фургону. Долго рассматривал содержимое, потом подозвал к себе остальных мужиков. Те тоже докурили и принялись глазеть на ящики... Потом самый главный завертел головой, а его друзья принялись пересчитывать коробки.

У меня упало сердце. Ведь беседка как раз была в поле зрения этих мужиков. Единственное, что могло спасти, – это то, что они не могли посчитать нас такими идиотами, чтобы жрать сворованное на чужих глазах. Правда, они не учли тот факт, что мы настоящие идиоты и есть. Вернее, Ляля.

– Если у меня нет возможности купить себе эту дурилку фруктовую, что теперь, отказываться?

– Нет возможности, ешь то, на что возможность есть, – огрызнулась я. – Картошки себе пожарь.

Ляля обиженно засопел.

– Да не бойся, не спалимся мы. Давай все доставай из коробок и в рюкзак пересыпай. Ко мне завалимся, дома доедем. А то сейчас дождь ливанет.

Вдалеке заворчал гром. Я не отводила настороженный взгляд с мужиков.

– И не пались ты так, Сима! Что ты на них вылупилась? Мы – вне подозрения.

Ляля поднялся со скамейки, закрыл меня широкой спи-

ной и принялся пересыпать в мой рюкзак недоеденные фрукты. Я мимоходом подумала, что обязательно что-нибудь раздавлю и заляпаю школьные тетради... За что мне все это?

Из беседки мы вышли с нагруженными рюкзаками и не спеша двинулись мимо озадаченных мужиков. Пустые коробки из-под фруктов сунули под лавку.

Ляля шел как ни в чем не бывало, вразвалочку, разве что под нос себе не насвистывал, а вот я, как мне казалось, вела себя очень подозрительно. Будто мой рюкзак вдруг мог стать прозрачным, или рот был в клубнике... Я быстро вытерла губы ладонью.

Я была настолько взвинчена, что когда самый здоровый мужик окликнул Лялю, чуть не сорвалась с места, чтобы сбежать, но все-таки сдержалась. Мы притормозили, медленно развернулись и уставились на мужиков.

– Пацан, мы тут коробок не досчитались, – хрипло начал один из мужиков, направляясь к нам. – А ты тут вроде с самого утра вертелся...

От страха и предчувствия чего-то дурного сердце застучало во весь опор, и ноги ослабели. Я ухватилась за Лялину руку...

Лев

Тоня металась по своему кабинету из стороны в сторону, как разъяренный тигр в клетке. Я сидел на небольшом ко-

жаном диванчике в приемной и, скрестив руки на груди, наблюдал, как тетя не может найти себе места.

– Антонина Юрьевна, может, вы прекратите маячить туда-сюда? – насмешливо спросил я. – Уже в глазах рябит.

– Ты как с директором школы разговариваешь? – негромко рассмеялась Тоня.

Младшая сестра моей мамы, Антонина, уже пятый год работала в нашей гимназии директором. Когда мы с Лилей пришли сюда учиться в первый класс, Тоня была молодым учителем. И вот – дослужилась...

– Извините, Антонина Юрьевна, – откликнулся я.

– Ну все, не придуривайся, – вздохнула Тоня, все-таки усаживаясь в свое офисное кресло. – Мы здесь одни.

Обычно в семье мы обращались друг к другу на «ты». Субординацию мы с Лилей соблюдали только в стенах школы, да и то лишь при посторонних.

– Поможешь мне? – спросил я.

– Ты снова про этот свой музыкальный фест? – уточнила Тоня.

– Ну да.

– Ах, Лева, мне сейчас не до этого, – поморщилась Тоня.

– Тебе всегда не до этого. И что может быть важнее, чем выручить любимого племянника? – в шутку ужаснулся я.

– Смеешься? Конец учебного года на носу. А еще из головы вся эта ситуация не может выйти... Вот зачем они ее цепляют?

– Кто? – сначала не врубился я.

– Ну кто-кто... Юля и Дарья...

– А, так ты о Шац?

– Ну, конечно! О ком же еще, Левушка?

Тоня, похоже, прикипела к этой Серафиме всей душой.

Еще со своих школьных времен она тесно дружила с матерью Шац, пока в их доме не произошла страшная трагедия – Сима потеряла маму. Тоня об этом мало рассказывала, говорила, что не наше дело. Да нам с Лилей и не особо интересно было, что там конкретно произошло... Сестра так и вовсе училась с Симой в разных классах и была с Шац не знакома. Но то, что Тоня носится с этой Серафимой как курица с яйцом, стало для нас с Лилей делом привычным.

– Почему они ее обижают, Лева?

– Я не вдавался в подробности, – честно ответил я. – Но твоя Сима не самая дружелюбная девочка в классе.

– И это повод ее гнобить?

– Нет, конечно, – почему-то смутился я. Мне и самому не понравилось то, что произошло на уроке. – Может, лучше обо мне поговорим? Значит, ты меня не выручишь?

Тоня словно вынырнула из своих мрачных мыслей и сделалась вдруг еще более хмурой.

– Какой ты все-таки эгоист. Хочешь, чтобы я выдумала какие-то соревнования лишь для того, чтобы ты мог уехать веселиться с друзьями?

– Ага.

– Ни за что.

– Но почему? Мама тебе поверит.

– Вот именно. А если все раскроется? Твоя мама меня никогда не простит. И будет права. Потому что врать – нехорошо, Левушка. Я ненавижу ложь! Это ни к чему хорошему не приводит...

Тоня говорила таким взволнованным голосом, что я даже немного растерялся.

– Ладно, ладно, успокойся, – сказал я. – Не хочешь меня прикрывать – не надо. Выкручусь как-нибудь без тебя.

– Левушка, только пообещай, что никуда не вляпаешься. Может, это и хорошо, что Люда тебя не отпускает? Там точно будет безопасно?

– Обычная тусовка, никакого криминала. Будто ты маму не знаешь, – вздохнул я.

Отец с матерью не давали нам с Лилей нормальной жизни и постоянно все контролировали. В семнадцать тебе хочется быть героем глупой подростковой книжки. Влюбляться, дружить, совершать ошибки, сбегать из дома... А на деле же ты будто заключен в строгий учебник о том, как надо правильно...

Лиля еще не теряла надежды вырваться из родительского гнета. Воевала с мамой... Я же просто забил и перестал куда-либо отпрашиваться, помня, что у родителей есть повод быть такими. Но пропустить крупный музыкальный фест, на который мы давно собирались с Максом, я не мог. Мне

безумно хотелось туда попасть, тем более с нами собиралась Аксинья... Теперь, когда у меня появилась девушка, хотелось больше свободы. Только школа, уроки и тренировки меня не устраивали.

– Прости меня, – сказала Тоня. Вид у нее был виноватый. – Мама за вас волнуется.

– Ага, будто мы маленькие.

– Ну, а вы, разумеется, взрослые? – улыбнулась Тоня.

– Разумеется, Антонина Юрьевна, – улыбнулся я в ответ.

Тоня в свои тридцать семь казалась мне ровесницей, несмотря на солидную занимаемую должность. Невысокая, стройная, со светлыми, собранными в пучок волосами. Тоня с моей мамой были максимально непохожими... Родные сестры с разницей в целых восемнадцать лет.

Когда я выходил из кабинета, Тоня меня окликнула.

– Лев! – серьезным тоном начала она. Хотя Тоня единственная в семье, кто обычно называет меня ласково «Левушкой».

Я обернулся и вопросительно уставился на нее.

– Проследи, пожалуйста, чтобы Симу Шац никто не обижал.

– Это с чего бы? – нахмурился я. В телохранители к Шац я не нанимался. Учитывая, как она реагирует на помощь.

Тоня снова сделалась какой-то потерянной, и я почувствовал, как в эту секунду повисло неприятно тянущее чувство тревоги.

– Пожалуйста! Впрочем... Ладно, иди.

Оставшиеся уроки я просидел как на иголках. Отметил про себя, что Шац так и не вернулась на занятия. И если бы не странная просьба Тони присмотреть за Симой, я бы и не обратил на это внимание. Ну, решила Шац прогулять уроки, что с того? Будто впервые такое. И с чего Тоне просить, чтобы я присмотрел за этой чокнутой? Кто я ей? Нянька, что ли?

После уроков Игорь Пашнин поджидал меня на школьном крыльце. Предложил куда-нибудь закатиться вместе с ним и еще парочкой ребят из параллельного десятого. «Гулять – погода стремная. А домой еще неохота». Но я от его предложения отказался. Пашнин вроде как даже немного обиделся. Я подозревал, по какой причине Игорь хочет со мной сдружиться. Из-за Аксиньи и ее подруг. Ухоженные, симпатичные девочки с несколькими тысячами подписчиков в инстаграме. «И почему мне такие кисы не дают?» – вопрошал Пашнин, листая на уроке ленту инсты. А еще не раз говорил, что мне повезло с другом – Марвиным. Вот он может зацепить красивых девочек, а мне за компанию перепадает. В общем, разговоры Игоря были об одном и том же, и сам Пашнин сильно утомлял...

Я не горел желанием звать Игоря в свою компанию. Знал, что некоторые одноклассники считали меня высокомерным, но мне было плевать на это мнение. Зачем общаться с тем, кто тебе неинтересен? Только лишь из вежливости? Я всегда

предпочитал жить в свое удовольствие и не распинаться перед теми, с кем мне не по пути...

Аксинью я заметил у ворот. Ветер раздувал полы ее плаща и копну золотистых волос. Аксинья меня не видела, поэтому прежде чем подойти, я остановился под старым кленом и долго ее рассматривал. Аксинья ежилась от порывов ветра и оглядывалась по сторонам, но меня все равно не замечала. Когда она полезла в сумочку за телефоном, я все-таки покинул свое укрытие, тихо подошел к ней и закрыл ладонями ее глаза. Аксинья тихо и мягко рассмеялась. Так умеет смеяться только она.

– Отучился? – спросила Аксинья, убирая мои ладони.

– Ты что здесь делаешь?

– У нас пары раньше закончились, я решила к тебе приехать. – Аксинья развернулась, и я наконец посмотрел в ее синие глаза. В них плескалась настоящая весна.

Мои губы сразу растянулись в счастливую и, скорее всего, глупую улыбку. Скверное настроение и непонятное предчувствие беды куда-то подевалось. Все плохое сразу улетучилось. Осталась только она – Аксинья. Девушка с весной в глазах. Та, в которую я влюблен без памяти.

– Как хорошо, что ты пришла, – сказал я.

– Я знаю.

Мы целовались посреди улицы, наплевав на прохожих. Рядом с Аксиньей мне часто сносило крышу, и я не думал о последствиях. Мне не верилось, что такая красивая, взрос-

лая, самая лучшая девушка в мире ответила взаимностью.

– Как хорошо, что ты пришла, – повторил я, глядя пальцами по ее щеке.

– Как я могла к тебе не прийти? – с улыбкой отзывалась Аксинья.

Прохладный апрельский ветер обдувал мое разгоряченное лицо. Рядом шумел старый клен. Приближалась первая гроза с молнией и пронзительным громом.

Оторвавшись наконец от поцелуев, мы взялись за руки.

– Что у тебя с брюками? – спросила Аксинья.

Я совсем забыл об этих «засохших соплях» на штанах. Запахнул куртку. Я готов был убить Дашку с Юлей за их дурацкую шутку. И Шац заодно. Вспомнил наш странный разговор с Тоней по поводу Симы и почему-то почувствовал непонятное раздражение.

– Одноклассницы принесли в школу какого-то лизуна, – буркнул я.

Аксинья смотрела на меня с нескрываемой улыбкой.

– Дети, – покачала головой она.

Меня выводила из себя привычка Аксиньи постоянно обозначать тот факт, что она старше на два года. С Марвиным они были ровесниками, но Макс никогда не высказывал своего превосходства по поводу возраста.

– Есть такое, – кивнул я.

Аксинья заметила мое недовольство и, поднявшись на цыпочки, снова чмокнула в губы.

– Ну, не дуйся, пупс.

«Пупс, малыш, детка» – эти прозвища меня тоже поначалу нервировали, но со временем я к таким обращениям в свой адрес привык. В конце концов, для меня это было единственным минусом Аксиньи.

Тут я заметил новый кулон на ее шее. Плащ был распахнут, рубашка расстегнута на несколько пуговиц... Золотой, в виде небольшого сердца. Я не очень разбирался в женских цацках и ювелирке, но в кулоне явно было несколько бриллиантов. Думаю, штук сто такой точно стоит... И наверняка Лилька очень бы хотела заполучить себе подобный...

– Красивый, – кивнул я на кулон. – Новый?

Аксинья почему-то смутилась. Тонкими длинными пальцами нащупала на шее кулон. Движения у Аксиньи плавные и грациозные. И сколько же в ней женственности... Я снова завис как дурак, пялясь в зону декольте.

– Ага. Тебе правда нравится? Папа подарил.

Аксинья часто меняла наряды и украшения. Мне всегда нравилось, как она одевается и преподносит себя. Правда, иногда неприятно, что из-за этого всякие озабоченные Игорьки пускают слюни на мою девушку.

Внезапно Аксинья накрыла кулон ладонью, схватила меня за ворот рубашки и притянула к себе для поцелуя. Мы снова зависли посреди улицы; гормоны вовсю бушевали.

– Сейчас к тебе? Или ко мне? – быстро спросила Аксинья.

– К тебе, – ответил я, целуя ее. – Сегодня мама дома.

С моей матерью-контролером не скоро я смогу привести в квартиру девушку.

Аксинья снова негромко засмеялась мне в губы. Ей, студентке психфака, отец снял шикарную квартиру в самом центре. Я решил, что сейчас она вновь начнет подтрунивать на тему моей «детскости», но Аксинья оторвалась от поцелуев и серьезно заглянула мне в глаза. Теперь они были темными-темными, как грозовое небо над нашими головами.

– Ты ведь помнишь, что я тебя люблю? – спросила она, легонько коснувшись моих волос.

Я перевел дыхание.

– Помню, – ответил я. Взял ее прохладные щеки в свои ладони. Снова поцеловал.

– Идем. – Аксинья потянула меня за руку...

Послышался раскат грома, зашумел дождь. В город пришла первая весенняя гроза.

Серия третья

Сима

– Ну, вертелся, и че с того? – дерзко спросил Ляля, сжав в ответ мою ладонь. – Запрещено в своем дворе гулять?

Я же испытала настоящий панический страх. Лялин говорил с этими мужиками так развязно... Ему не хватало только под ноги им с презрением сплюнуть. И все бы ничего, если б от моего рюкзака за километр не разило этим самым дурианом...

Говорят, что на воре и шапка горит. Мне казалось, что мы с Лялей полыхаем посреди двора, как два соломенных чучела на Масленице.

– Не видел тут никого?

– Нет, не видел, – нахмурился Ляля. – Я вообще вон на турнике бил мировые рекорды.

Я вспомнила, как Лялин беспомощно болтался на турнике, и не сдержала истеричный нервный смешок. Очень не вовремя. Но Ляля, конечно, догадался что ляпнуть. Турникмэн недоделанный. Скромности ему не занимать.

В то время как Ляля божился, что никого подозрительно у машины с ящиками не видел, один из приятелей хозяина палатки впился в меня подозрительным взглядом. Сначала

ла я решила опустить глаза. Потом уставилась на этого мужика в ответ. В его взгляде будто читалось: я все про тебя знаю, малолетка. Вытряхивай рюкзак, воровка. Наверное, я даже побледнела... Вот за что мне эти мучения? Ведь дуриан этот проклятый мне даже не понравился! И клубника была невкусной.

Чем дольше мужик на меня пялился, тем тревожнее мне было стоять под его немигающим пристальным взглядом. Меня от напряжения аж в сторону повело, и я едва не рухнула на Лялю. А когда мужик склонился к своему другу, чтобы что-то ему сказать, я все-таки не выдержала, резко развернулась и побежала прочь со двора.

Что и говорить, а нервишки у меня в таком деле шалят. Несколько раз мы воровали с Лялей из продуктового шоколадные батончики, чипсы и чупа-чупсы... Просто так. По приколу. Но это было давно. Меня потом совесть несколько дней грызла, и все эти шоколадки были не в радость. Поэтому я зареклась когда-либо повторять былые «подвиги». А вот Ляля своим пагубным привычкам так и не изменял.

Друг тоже припустил за мной. Мужики, разумеется, ринулись следом.

Что-что, а бегали мы с Лялей быстро. Вскоре Ляля догнал меня и бросил на ходу:

– Симка, дура! Ты зачем побежала? Обошлось бы!

На улице поднялся страшный ветер, который дул в лицо, безжалостно трепал волосы, свистел в ушах. Бежать было все

сложнее. Моя рубашка, повязанная на бедрах, болталась и путалась в ногах. Нагруженный рюкзак мешал. Но Ляля не сбавлял темп, поэтому я тоже неслась изо всех сил, стараясь не отставать.

– Ля... Ля... Иди... ты! – сердито буркнула я, активно размахивая руками. – Все из-за те... бя! Как обычно!

Ляля хрипло расхохотался и добавил скорости. Ветер задувал в его распахнутую куртку, которую друг натянул на ходу.

– Догоняй, Шац!

Мужики уже давным-давно отстали, а мы все продолжали бежать, распугивая прохожих. Из хмурых грозовых туч все-таки хлынул ливень. Люди принялись поспешно разбежаться в стороны, прячась от дождя в арках и под навесами. Улица быстро опустела. Моя мокрая одежда отяжелела, а в боку неприятно закололо. Я первой остановилась и, даже не оглядываясь и не проверяя, есть ли еще погоня, присела на корточки и принялась тяжело дышать. Ляля, заметив, что я остановилась, тоже притормозил и вернулся ко мне. Вид у него, в отличие от меня, был ничуть не уставшим. Наверное, зря я смеялась над ним и турником. Выносливости у друга было явно больше, чем у меня.

– Они не гонятся? – спросила я, поежившись под холодными каплями дождя, ударяющими об асфальт.

– Да куда там.

– Как мы теперь домой вернемся?

Овощная палатка находилась в соседнем дворе. Шанс быть снова замеченными был очень велик.

– Не будем соваться пока в беседку, да и все, – безразлично пожал плечами Ляля.

– Из-за тебя вечно одни неприятности, – выпрямляясь, сказала я. Дыхание пришло в норму. Но в горле страшно першило. После такого выброса адреналина мы даже не обращали внимания на усилившийся дождь.

– Круто, да, вышло? – восхищенно воскликнул Ляля. – Хорошо, что ты решила сбежать. Такой адреналинчик... Хотя нас бы по-любому пронесло. Зря ты спалилась!

– Круто вышло? – скривилась я. Представила, как нам сейчас возвращаться домой под дождем. А если нас подкарауливают? – Нет, Лялин, не круто! Мы должны были с этим завязать, еще когда на краже шоколада попались.

Это был первый и последний раз, когда наша кража осталась замеченной. Тогда за нами погнался охранник супермаркета, но, разделившись, нам с Лялиным удалось удрать. Я потом очень боялась, что об этом может узнать мама. Ее бы сильно расстроил мой поступок... После того случая я, кстати, и решила завязать с Лялиными «приколами».

Ляля поднял оттопыренный мизинец в знак примирения, обнял за плечи, и мы, вместо того чтобы переждать дождь, все-таки направились обратно в сторону дома.

– Да ладно тебе, Симка. Иногда хочется чего-нибудь эдакого отведать.

Лялю воспитывала мама. Отец ушел из семьи, когда ему было два года, и бывшей жене никак не помогал. Мать Ляли перебивалась с одной низкооплачиваемой подработки на другую, денег ни на что особо не хватало. Только последние пару лет она смогла устроиться домработницей к одному успешному мужчине, и жить они стали немного лучше. Хотя по-прежнему не шикавали, конечно.

– У меня, наверное, весь рюкзак провонял чем-то «эдаким», – угрюмо сказала я.

Ляля только весело хохотнул. Его никогда и ничего не смущало... Я практически не видела друга расстроенным, грустным или напуганным... У него будто были по умолчанию отключены эти «опции». Ляля еще и заявил, что я придуриваюсь и мне самой нравится заниматься глупостями и выбрасывать адреналин, вот как сейчас. Если бы мы были разными, он никогда не стал бы со мной дружить. Как и я с ним.

Домой я вернулась вымокшая до нитки. Еще какое-то время потусовалась в подъезде, разглядывая опустевший двор. Дождь лупил в грязное окно. Мне снова было страшно заходить в квартиру. Страшно, грустно и невыносимо. По весне в такую пасмурную погоду все еще мучили флешбеки. Как солдата, вернувшегося с войны... Будто я зайду в квартиру, а там снова случилось что-то плохое. И все-таки, набравшись смелости, я поднялась на пролет выше, на свой этаж, открыла дверь ключами и прошла в темный коридор.

В квартире пахло сигаретами, негромко бормотал телевизор. Отец спал на диване, прикрыв лицо руками. Я подняла с пола пустой стакан и полную пепельницу с окурками. Немного прибравшись на кухне, взяла из коридора школьный рюкзак и отправилась в свою комнату. Запах от дуриана действительно стоял невообразимый. Я стянула с себя влажные джинсы и принялась их рассматривать. Может, все-таки удастся привести в порядок? Интересно, отстираются ли брюки Стаховича? Я вспомнила, как он едва не стянул с себя штаны посреди коридора, и почувствовала, как запылали щеки. Как тогда, в школе. Хорошо, что в коридоре было темно, и Стахович этого не заметил. Нет, вот все-таки придурочный.

А пока придется носить юбку, которую мне в начале сентября выдала Антонина Юрьевна. Вообще все старшеклассники сдавали деньги на дорогую форму, а мне она досталась просто так. Но я все равно не носила форму, неудобно. Только жилет иногда надевала.

Больше всего на свете мне не нравилось чувствовать себя обязанной. А с директрисой это было неизбежным. Уж слишком часто она мне помогала, особенно когда мамы не стало. И я не могла отказаться от ее помощи. Смущалась, терялась, но всегда принимала.

Зная, что отец теперь проспит до самого утра, решила не заморачиваться с ужином. Загрузила в стиралку одежду и рюкзак и ушла на кухню.

Соорудив бутерброд с сыром, уселась на подоконник. Стиральная машина монотонно гудела, дождь не стихал. Капли кривыми зигзагами стекали с окна. На улице было так же пасмурно, как и в душе. Апрель не был апрелем. А мне хотелось настоящей весны.

* * *

Следующее школьное утро снова началось с посещения кабинета директора. Антонина Юрьевна выловила меня в коридоре недалеко от гардероба. Если бы я знала, что меня ждет такая подстава, то вообще бы в школу не явилась. День прямо с самого утра не задался. Еще и в этой юбке я чувствовала себя ужасно глупо. От плотных черных колготок непривычно чесались ноги.

– Серафима, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет, – попросила Антонина Юрьевна, когда я сдала куртку и получила номерок. – У меня к тебе дело.

Пришлось тащиться за директрисой в ее кабинет...

Уже привычно громко тикали настенные красивые часы с необычным циферблатом. Да и вообще я была здесь уже как дома. Слишком часто меня вызывали в этот кабинет. Оттого я чувствовала себя неуютно... Столько внимания к моей скромной персоне.

– Присаживайся, пожалуйста. – Антонина Юрьевна заняла свое место и указала мне на стул, придвинутый к ее рабо-

чему столу. А вчера мы втроем сидели на диванчике...

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила я.

– Случилась история, – ответила Антонина Юрьевна, встревоженно заглядывая мне в глаза.

– Ох, блин, – выдохнула я. Маразматичка все-таки наступила директрисе, что я совсем не учусь.

– Вот-вот, – кивнула Антонина Юрьевна. – Сима, ты почему так запустила этот предмет? Галина Валентиновна встала в позу и не хочет ставить тебе тройку за год. У тебя вообще по всем гуманитарным предметам ситуация плачевная. Но история может стать последней каплей. Я не смогу перевести тебя в одиннадцатый...

– Вот жалость-то.

Откровенно говоря, мне было все равно. Тем более в этой гимназии, с такими одноклассниками. Как бы помягче сказать Антонине Юрьевне, что плевать я хотела на одиннадцатый класс? Но директриса смотрела на меня таким жалостливым взглядом, что хотелось под землю провалиться.

– Я что-нибудь придумаю, – наконец сказала она.

– А что тут можно придумать? – пожала я плечами.

– Ты должна постараться подтянуть историю.

– Шутите? За один месяц?

– Галина Валентиновна сказала, что все будет зависеть от того, как ты напишешь годовую контрольную.

– С чего бы мне написать ее хорошо? – усмехнулась я.

– Тебе просто нужно позаниматься. Месяц на подготов-

ку... Этого мало, но можно попробовать.

– Боюсь, я не справлюсь, – попыталась мягко возразить я. Не знаю, что должно было произойти на этой планете, чтобы маразматичка поставила мне хорошую оценку.

– Хотя бы на тройку, Серафима. Этого будет достаточно. Позанимайся с кем-нибудь из ребят.

Я быстро перебрала в уме всех «ребят» и решила, что лучше под поезд прыгну, чем обращаться к кому-нибудь из них за помощью.

По моему выражению лица Антонина Юрьевна поняла, что с коммуникацией у меня все плохо, поэтому вздохнула:

– Ладно, с этим я тоже разберусь. Ну... а отец как?

Вопрос был неожиданным. Я подняла на Антонину Юрьевну удивленные глаза. Хотя в том, что она интересуется судьбой нашей семьи, не было ничего странного. Все-таки Антонина Юрьевна играла не последнюю роль в жизни мамы. Они дружили столько лет... Но обычно мы разговаривали только на школьные темы, избегая всего, что произошло. Поэтому я и удивилась.

– Все так же, – сухо ответила я.

– Вам нужны деньги? – спросила Антонина Юрьевна, заметно при этом смутившись.

Я лишь мотнула головой.

– Смотри, Сима. Дела у тебя идут неважно. Учишься плохо, прогуливаешь занятия. Если вдруг о гулянках отца сообщат соседи и ко мне обратятся из органов опеки...

– Удочерите меня? – внезапно спросила я.

Антонина Юрьевна помрачнела.

– Не шути так, Серафима.

А может, я и не шутила? После нашего разговора остался осадок. И снова я вышла из кабинета Антонины Юрьевны с неприятным чувством невыполненного долга. Будто я не оправдываю ее надежд, хотя, по сути, она мне никто.

И если я думала, что все ограничится лишь этой странной беседой, а в остальном школьный день пройдет хорошо, то я ошибалась. Снова получила двойку на последнем уроке истории, хотя ответила у доски вполне сносно. Если не на четверку, то на тройку – точно. Окончательно разочаровавшись в жизни, уселась за свою парту и закрыла лицо ладонями. Со Стасом я не разговаривала со вчерашнего дня. Петрушин тоже меня игнорировал. Но в конце занятия все-таки склонился ко мне и негромко произнес:

– Сима, будь осторожна. Шандарева с Бурькиной за тобой все уроки палят.

Со всеми своими неприятностями я даже не заметила этой слезки. Но Стас оказался прав. Как только я вышла из школы, недалеко от футбольного поля меня подкараулили они – Юлька с Дашей и еще парочка девчонок из параллельного десятого. Тогда-то я и поняла, что этот разговор не предвещает ничего хорошего.

Лев

Я проходил мимо корпуса начальной школы, когда услышал со стороны футбольного поля повизгивающий голос Юли Шандаревой.

– Ладно еще палетка, но что мы с фронтальной камерой делать будем?

– Что хочешь, то и делай. Твой же телефон.

– Идиотка, знаешь, сколько новый айфон стоит? Никогда не расплатишься...

– Не буду я ничего вам платить, – распознал я голос Шац. – Ни за телефон, ни за палетку твою долбаную.

– Долбаная здесь только ты, Серафимочка. Даем тебе срок до конца мая...

Я стоял неподалеку от девчонок за редкими голыми кустами, но они меня все равно не видели. Вчетвером выстроились в линию напротив растерянной и рассерженной Шац.

– Да пошли вы... Еще срок мне дают, – огрызнулась Сима. – Овцы!

– Ты кого овцами назвала? – тут же вскипела Бурыкина.

– Тебя в том числе. Блеешь, блеешь... Бээ-бээ!

– Тебе жизни не будет, Шац, обещаем... – начала Шандарева. Тогда Сима, на мое удивление, первой с силой толкнула Юльку в грудь. Та от неожиданности взвизгнула, покачнулась и рухнула на задницу.

– Ну все, тварь, тебе не жить! – проорала Бурыкина и кинулась на Шац. А вместе с ней и еще пара куриц из параллельного вцепились в куртку Симы.

Стоять за кустами и наблюдать, как несколько девчонок дружно избивают другую, было не комильфо. Я тяжело вздохнул и вышел из своего укрытия. Похоже, этой Серафиме нравится впутываться в неприятности.

– Эй, что за дела? – выкрикнул я, быстрым шагом направляясь к ним.

Девчонки прекратили возню и уставились на меня. Шандарева по-прежнему сидела на земле и удивленно пялилась на происходящее, будто сама не понимала, как здесь вдруг оказалась.

– Опять пришел ее защищать? – взвизгнула Даша.

– А вы опять толпой на одну?

– Она первой руки начала распускать! Ее никто и пальцем не трогал. Просто хотели поговорить.

– Ага, только вымогательством занимались, – усмехнулся я. – Бурыкина, ты самая бедная, что ли? Может, тебе денег занять?

– Лева, да иди ты! – зло откликнулась Дашка.

– А ты че ее все время защищаешь? – вклинилась Юля, которая наконец при помощи подруг поднялась с земли и теперь отряхивала задницу. – Вы вместе? Спите, что ли?

Эти идиотки переглянулись и громко заржали. И если мне было на эту шутку плевать, то Шац вдруг побледнела и, схва-

тив с земли рюкзак, ринулась прочь со школьного поля.

– Ну, вы и дуры все-таки, – покачал я головой, глядя на одноклассниц. – Рассказать бы, чем тут занимаетесь.

– Тетечке своей стуканешь?

– Тебе бы стукануть, Шандерва, – сказал я, разворачиваясь.

– Беги, догоняй любовь свою! – захохотали мне в спину.

Связываться с этими недалекими не хотелось. И догонять Шац я не планировал, но все-таки встретил ее за углом корпуса, где учились младшеклассники. Сима сидела на асфальте. Вокруг не было ни души. В это время начались уроки у второй смены.

– С тобой все в порядке? – спросил я. – Передохнуть решила?

Сима оглянулась и внимательно посмотрела на меня. Ее рассерженный взгляд не предвещал ничего хорошего.

– И что ты ко мне, правда, привязался? – воскликнула она. – Не в порядке! Ну, что уставился? Я запнулась и упала.

Шац продемонстрировала мне расцарапанные ладони. Затем вытянула ноги в разорванных на коленях колготках.

– Стрелки, блин, поползли, – вздохнула Сима. – И кровь пошла.

– Да ты просто счастливица, – усмехнулся я, глядя на нее сверху вниз. – Всегда так весело живешь?

– Ага, обхохочешься.

– Ни дня без приключений.

– Что тебе от меня надо, Стахович?

– Шандарева с Бурькиной от тебя теперь не отстанут, – сказал я.

– И ты, по всей видимости, тоже, – буркнула Сима.

– Да я вообще мимо шел, сдалась ты мне.

– Вот и топай дальше.

Я подошел к Шац и все-таки протянул ей руку. Мама учила меня, что девушки – слабый пол. Им нужно помогать. Да и вообще, оставлять любого человека в беде некрасиво. И в том, что Серафиме нужна помощь, я не сомневался. У нее, безусловно, случилась беда. С головой.

Шац некоторое время с раздражением пялилась на протянутую руку, а потом все-таки соизволила вложить свою ладонь в мою. Я потянул Симу на себя, и она легко поднялась на ноги и ойкнула.

– Что еще? – спросил я, заглядывая ей в глаза.

– Ногу, кажется, подвернула...

– Дай посмотрю!

– Ага, еще чего? Ой-ой!

Я по-прежнему держал Шац за руку, а она скакала вокруг меня на одной ноге, как цапля, и периодически пыталась поставить больную ногу на асфальт.

– Бли-и-ин! – внезапно взвыла она. – Почему все это происходит именно со мной?

Я не знал, что на это ответить. И вообще, как-то снова глупо все получалось. Наконец Сима перестала скакать. Оста-

новилась и посмотрела на свои разбитые колени.

– Если кровь запекется. . .

– Запечется, – машинально поправил я.

Шац посмотрела на меня исподлюбья и упрямо продолжила:

– Если запекется, больно будет колготки снимать? Отдирать ведь придется.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Наверное.

– Тогда погоди!

Придерживая меня под локоть, Шац полезла рукой под юбку.

– Ты что делаешь? – тупо спросил я.

– Снимаю колготки! – прокричала Шац, крепче хватая меня.

Погода снова была сумрачной. Ветер дул с севера. Я пожегся. Голые ноги Симы отчего-то смутили. Я демонстративно отвернулся в сторону. Шац, покачиваясь и приваливаясь ко мне плечом, все-таки стянула с себя колготки и сунула их в карман куртки.

– Порядок, – выдохнула она.

Мы так и продолжили стоять, держась за руки, посреди пустого школьного двора.

– Может, тебя до дома проводить? – наконец спросил я.

– Это еще зачем? – сердито спросила Сима.

– Ну, а чего ты в меня вцепилась?

– Ой, прости!

Шац выпустила мою руку.

– Не надо куда-то меня провожать. Сама дойду.

Прихрамывая, Сима сделала несколько шагов и снова заойкала. А я не мог оторвать взгляд от того, как ветер вздымает юбку, пока Шац смущенно ее одергивает.

– Ну, хватит, – сказал я, отводя взгляд от стройных голых ног, покрытых мурашками. – Так ты далеко не уйдешь. погоди.

Я полез в карман за телефоном, а Шац обернулась и стала внимательно следить за моими движениями.

– Это еще зачем? – спросила она.

– Вызову тебе такси, – ответил я.

– У меня нет денег на такси.

– Я заплачу.

– Вот еще! С чего бы?

– Что мне, на руках тебя тащить?

– Ага! Еще лучше! Да я тут недалеко живу...

– Ну, вот и иди.

Я стоял, нахмурившись, и смотрел, как Шац, осторожно переминаясь с ноги на ногу, медлит. И все-таки ей было больно идти.

– По-хорошему, надо бы сначала в травмпункт. Или в медкабинет.

– Все в порядке, – повторила Шац. Вот упертая, кошмар. – Мне просто нужно домой. Я не в первый раз ногу подворачиваю.

– Называй адрес, – снова уставился я в экран телефона. И добавил: – Вернешь деньги, как сможешь.

Шац вздохнула и устало продиктовала мне свой домашний адрес. Жила она и вправду не особо далеко, поэтому сумма за поездку вышла смехотворной.

Я все-таки помог ей дойти до такси, которое припарковалось у школьных ворот. Хотя Шац ворчала, чтоб я не жался, шел медленнее, затем быстрее. Ойкала, ахала, будто назло испытывала мое терпение. Так что усадив ее наконец на заднее сиденье, я испытал облегчение.

Захлопнул дверь и, пока такси не тронулось, уставился на Симу. Видок у меня в отражении был еще тот. Нахохленный, как воробей. Забавно. Если б я усаживал в такси Аксинью, то наверняка сиял бы от счастья. И вообще был готов на руках унести Белорецкую хоть на край света... Ни капли бы не устал. Хотя Аксинья выше на полголовы и фигуристее Симы. Только к чему их вообще сравнивать? Эти мысли мне не понравились.

Шац сначала опустила голову, чтобы не смотреть на меня. А потом вдруг взглянула в окно, смущенно улыбнулась и по-детски помахала рукой. Для меня это стало полной неожиданностью. Я ни разу не видел, как Сима улыбается. Это было... мило? Я растерянно взмахнул рукой в ответ, и в эту секунду такси тронулось с места. Машина уже отъехала, а у меня перед глазами до сих пор стояло улыбающееся лицо Симы. Странно, я и не думал, что она способна на положи-

тельные эмоции. Решил, что только ворчать умеет. И попасть в неприятности, разумеется.

Я развернулся, чтобы направиться в сторону своего дома, но тут же заметил у ворот Тоню. Она стояла в коротком черном плащике, с тяжелым портфелем в руках и внимательно смотрела на меня. Почему-то мне не понравился ее взгляд. Я немного помедлил, а затем подошел к ней.

– Ты еще не ушел домой? – спросила Тоня.

– А ты, наоборот, как-то рано, – сказал я, предпочтя не отвечать на вопрос тетки. – Обычно засиживаешься допоздна.

– У меня сегодня дела, – туманно ответила Тоня.

– Нашла себе кого-нибудь? – прямо спросил я.

Тоня негромко рассмеялась.

– Что ты такое говоришь, Левушка? А если и нашла, то явно не планирую обсуждать это с тобой.

Я посмотрел на Тоню и тоже улыбнулся. Однако после следующей ее фразы улыбка тут же исчезла с моего лица.

– Ты все-таки дружишь с Симой?

– С чего ты взяла?

–носишь ее вещи, провожаешь до такси... И мне показалось...

– Тоня, тебе показалось. Это просто стечение обстоятельств.

– А жаль, – сказала Тоня. – Симе бы не повредил такой друг, как ты. Мне не нравится мальчик, с которым она дружит.

– Что-то я сомневаюсь, что сама Сима приняла бы мою дружбу на ура, – хмыкнул я.

Тоня еще некоторое время постояла, задумчиво глядя на гудящее вдалеке шоссе.

– Левушка, я тут сегодня подумала... – начала она. – Все-таки помогу тебе с июньской поездкой. Только пообещай кое-что для меня сделать.

Серия четвертая

Сима

Идею с репетиторством Стаховича я приняла в штыки. Антонине Юрьевне пришлось битый час меня уговаривать, хотя, казалось бы, это было в моих интересах. Но это, конечно, как сказать... Был ли у меня вообще ко всему этому интерес? Мне давно уже стало фиолетово на учебу в этой школе. Здесь меня не держало ничего. Я не строила никаких карьерных планов, была лишена амбиций и свою будущую взрослую жизнь видела весьма смутно. Я не знала, кем хочу стать, «когда вырасту». Не было иллюзий по поводу светлого будущего. Если и выгонят из школы, уйду в то же училище, куда собирается Ляля. Пусть и потеряю целый год. Учителя и ученики гимназии убили всякое желание получать образование. А с Лялиным хотя бы не соскучишься.

– Если ты беспокоишься о деньгах... – продолжала уговаривать меня Антонина Юрьевна.

– И о них в том числе, – хмурилась я.

– Если о них, то Левушка подготовит тебя к контрольной абсолютно бесплатно. Пройдетесь вместе по возможным темам... Лев каждый год принимает участие в городской олимпиаде по истории и очень хорошо знает предмет.

– С чего бы вашему племяннику нянчиться со мной бесплатно? – усмехнулась я. – Он филантроп? Или просто идиот? Делать ему, что ли, больше нечего?

Антонина Юрьевна на мгновение замешкалась, а затем ответила:

– Просто Левушка – отзывчивый мальчик.

– Это уж точно, – снова хмыкнула я.

До сих пор вспоминаю свою недавнюю поездку в такси. Так неудобно получилось. Я ведь ему даже спасибо не сказала. Поняла это, когда только уселась в машину. Поступки Стаховича ставили меня в тупик. Я все никак не могла взять в толк: зачем Лев мне все время помогает? Какой ему с этого прок? Хотя, если б он не полез в тот раз в наши разборки на школьном поле, то все бы могло закончиться по-другому. А как? Возможно, хуже... Эти курицы могли меня хорошенько отделать. А быть может, закончилось бы и лучше. Увечья у меня появились в любом случае. Зато без присутствия Льва не было бы этих глупых слухов о том, будто мы вместе... Из уст Шандаревой и Бурькиной эти догадки прозвучали как-то грязно и неприятно. Хотя, конечно, ничего страшного не было бы в том, что мы со Стаховичем встречаемся... От одной только мысли о таком союзе захотелось рассмеяться. Это что-то из разряда фантастики. Куда-то меня повело не в ту степь...

Антонина Юрьевна еще что-то быстро говорила, но я уже слушала ее вполуха. И мне снова было жутко неудобно си-

деть перед ней. Слишком уж она печется о моей судьбе. Понимаю, что с мамой они были лучшими подругами, но всему есть предел... Иногда ее гиперопека душила.

– Ты еще посещаешь школьного психолога? – вдруг спросила Антонина Юрьевна.

Я мотнула головой.

– У нас последним уроком химию поставили на время сеанса. Я теперь не успеваю. Да и не надо мне уже... Почти два года прошло. Я давно отпустила...

– Такое не отпускают, – отрезала Антонина Юрьевна. – Я поговорю со школьным психологом. И это тоже уладим.

Ее последняя фраза отозвалась во мне каким-то непонятным раздражением. В классе многие понимали, что я здесь на особых условиях. В конце концов, как я вообще могла попасть в эту гимназию? У родителей не было денег на мое обучение. Из-за этого некоторые учителя относились ко мне настороженно. Кто-то наверняка по просьбе Антонины Юрьевны даже натягивал хорошие оценки... Только принципиальная историчка не шла нашей директрисе навстречу. Возможно, именно своим «блатом» я маразматичку и раздражала.

Эти привилегии сбивали с толку и моих одноклассников. Поэтому некоторые додумывали всякую ерунду о моей семье. Об этих догадках мне и знать не хотелось.

– Пожалуйста, подумай над моей просьбой по поводу репетиторства, – наконец попросила Антонина Юрьевна.

– Так это просьба? – удивилась я. Мне всегда было трудно

отказывать. Особенно близким людям. И как бы меня порой ни раздражала Антонина Юрьевна, все-таки желала она мне только добра. Пусть это и не делало в итоге меня счастливой. Но в искренности ее намерений я не сомневалась.

– Хорошо, я схожу на одно занятие, – согласилась я. – Но если мы вдруг не сработаемся...

– Левушка очень добрый и коммуникабельный. – Лицо Антонины Юрьевны просветлело.

На этих словах я все-таки не смогла сдержать улыбку. Да этот ее Левушка выглядит еще более недружелюбным, чем я. Вечно отстраненный, сдержанный... Заносчивый сноб.

И вот я уже стояла перед красивой дверью с позолоченным номерком «пятьдесят пять», и все никак не решалась нажать на кнопку звонка. Собиралась я на этот урок тоже как на праздник. Вот дура! Выгладила зачем-то белую блузку, которую в последний раз надевала на первое сентября. И ненавистную юбку снова пришлось натянуть. Даже не знаю, почему я так тщательно готовилась к нашему со Стаховичем первому уроку. Просто мне казалось, что я не впишусь в обстановку, которая обычно окружает одноклассника. Его отец разъезжал на черном «Мерседесе» с личным водителем... Можно было представить, какая у Стаховичей квартирка.

Одни только масштабы парадной впечатляли. Видел бы ее Лялин... Хотя сомневаюсь, что друга бы это впечатлило так же, как меня. Вокруг лепнина, пол в темно-синюю шашечку.

И запах тут стоял не как в подъезде нашей хрущевки. Здесь пахло прохладой и чьими-то тяжелыми дорогими духами. Я знала, что Антонина Юрьевна, как и ее сестра – мать Льва, были дочерьми какого-то известного ученого, доктора исторических наук. Я как-то ради интереса находила его страницу в «Википедии». А муж старшей сестры – отец Льва, был бизнесменом и меценатом. Стахович с детства был приучен к роскоши... А меня все эти масштабы страшно пугали. И сердце еще тревожней забилось, как только за моей спиной загремели двери старого лифта и я оказалась на нужном этаже.

И все-таки я решилась. Покружила еще немного пальцем над кнопкой звонка и нажала на нее. Тут же раздалась какая-то до боли знакомая классическая музыка.

Чем дольше мне не открывали, тем больше охватывало волнение. Наконец замки лязгнули, и на пороге появился сам Стахович с жестяной банкой колы в руках. Выглядел он сейчас немного иначе, чем в школе, – без строгой школьной формы. Но все равно не изменял себе и оставался настоящим пижонем даже в домашней обстановке. Причесанный, в легких брюках и поло.

– Привет, Шац, – сказал он.

– Привет, Стахович, – в том же тоне ответила я.

Лев уставился на меня. Так внимательно оглядел с ног до головы, что мне захотелось внутренне сжаться в комок. А когда задержал взгляд на ногах, мне и вовсе стало не по се-

бе. Я одернула ниже стремную юбку, которая доставляла мне одни неудобства.

– Как твоя нога? – сделав новый глоток колы, спросил Стахович.

– Спасибо, с ней все в порядке, – сказала я. Нога еще немного побаливала. Дома я позвонила Ляле, и он со знанием дела наложил мне тугую повязку. Когда-то Лялин занимался в секции футбола, и у них в порядке вещей было оказать другому первую помощь.

– Это хорошо, – сказал Лев, продолжая все так же стоять и держать дверь открытой.

– Ага. А мы будем на пороге заниматься?

– А, ну да. Проходи.

Я шагнула в просторную светлую квартиру. Первое, что бросилось в глаза – книжные стеллажи. Огромные, высокие, во всю стену. От разноцветных корешков книг пестрило в глазах. Надписи на русском, английском и неизвестных мне языках... Масштабы этих книжных шкафов впечатляли.

– Не знала, что ты живешь в библиотеке, – сказала я.

Стахович улыбнулся.

– Был бы я еще причастен к этой библиотеке... Это дедушкины книги. Разувайся. Вот тапочки.

Он подтолкнул ногой мягкие тапки с вышитой золотыми нитками эмблемой. Такие новенькие, чистенькие и нарядные, что мои стоптанные кеды рядом с ними казались какими-то уродцами. Хотелось скорее разуться и запихнуть их

куда-нибудь подальше. Отправить на луну, чтобы никто не видел... Интересно, а Лев сейчас в квартире один?

Будто в ответ на мои мысли из комнаты вышла высокая светловолосая женщина. Она чем-то походила на Антонину Юрьевну. Только наша директриса по сравнению с ней – воробышек. Эта же дама казалась такой величественной и статной, что я совсем растерялась.

– Лев, это к тебе? – певучим голосом спросила она.

– Да, мам. Я говорил, что ко мне должна зайти одноклассница. Это Сима. Серафима... Шац.

– Шац? – Услышав мою фамилию, женщина словно поменялась в лице. И стала смотреть на меня еще пристальней. Отчего я готова была вслед за своими старыми кедами тоже метнуться на воображаемую луну.

– Здравствуйте, – еле слышно пролепетала я. Эта железная леди вселяла в меня непонятный ужас. Вот бедняге Антонине, наверное, в детстве доставалось от такой старшей сестрицы... Хотя у них вроде слишком большая разница в возрасте. Вряд ли в молодости мама Льва очень уж нянчилась с младшей сестренкой.

– Ну да. Мы позанимаемся историей. В моей комнате, – насмешливо произнес Стахович.

Тогда брови его мамы чуть сдвинулись к переносице. Она так и не отводила от меня внимательного взгляда. И как-то слишком двусмысленно прозвучала фраза Льва. Как в глупых пошлых фильмах о подростках, когда двое якобы зани-

маются уроками, а на самом деле... Мне уже хотелось скорее остаться наедине со Стаховичем. Лишь бы не с его пугающей мамой.

– Что ж, идите, занимайтесь, – наконец произнесла она.

Вот спасибо! От ее повелительного тона хотелось склонить голову и сделать книксен в знак благодарности. Лев перехватил мой испуганный взгляд и кивнул в сторону. По всей видимости, там находилась комната Стаховича. Молча мы прошли мимо его мамы и ушли вглубь длинного коридора.

Комната Льва оказалась истинно мальчишеской. В темно-серых тонах и явно обставленная дизайнерами. Сдержанно, но дорого. Наверное, одна только лампа на столе стояла, как вся мебель в моей комнате. Однако, на удивление, в комнате царил образцовый порядок, которому я позавидовала больше, чем всем дизайнерским вещицам. На столе я заметила рамку с фотографией, на которой был изображен маленький Лев со своей сестрой-двойняшкой Лилей. Я видела ее в школьных коридорах и на редких сдвоенных уроках, но лично не была знакома. Лиля училась в параллельном десятом и считалась настоящей красавицей. Высокая, с длинными густыми волосами и ореховыми глазами. В отличие от брата, Лиля была по-настоящему коммуникабельной и веселой.

– Как мило, – сказала я, указывая на фотку.

Лев поморщился и поставил банку с недопитой колой на стол.

– Это Лилька ее сюда притащила. Лучше смириться, чем с ней спорить. Пусть стоит. Мне не мешает.

– Почему вы учитесь в разных классах?

– Близнецов часто разделяют, это была мамина идея. Чтобы мы самостоятельно социализировались.

– Ты хорошо общаешься с сестрой? – зачем-то спросила я.

Стахович так долго и внимательно на меня смотрел, что я даже думала отвести взгляд, но все-таки его выдержала.

– Мы будем заниматься историей или сеансом психотерапии?

– Поняла, поняла, – вздохнула я.

– Садись за стол, – приказал Лев, а сам отошел к книжным полкам и принялся искать необходимые учебники. – У нас мало времени, – добавил он, не оборачиваясь.

Я послушно приземлилась на стул, подперла голову рукой и принялась гипнотизировать затылок Стаховича.

Лев

Мы просидели почти полтора часа, склонившись над учебниками. Я монотонно зачитывал Серафиме ответы на возможные вопросы контрольной, а сам в это время думал совсем не об истории. Меня жутко бесило, что вместо того, чтобы провести время с друзьями, я должен заниматься этим – терять свое время, объясняя материал человеку, который совсем не заинтересован в предмете. Сам не раз ста-

новился свидетелем перепалок Шац с историчкой. Да, наша училка по истории не самый простой человек, и ее расположения еще нужно добиться. Как? Своей усидчивостью, усердием, заинтересованностью, знаниями... Шац же совсем не проявляла интерес к истории. Прогуливала уроки, писала контрольные на двойки, да еще и хамила. А теперь вдруг, когда приперло, я должен в такой короткий срок совершить невозможное...

Я злился на своих родителей. Злился на то, что они нам с Лилей не доверяют. Что им стоило отпустить меня без этого обмана? Просто раз в жизни поверить мне... Нет же. Они день и ночь пилят нас с Лилей нравоучениями. Мы с сестрой ни разу не подвели ни папу, ни маму. Учились хорошо, не попадали в неприятности, не связывались с плохими компаниями, исправно посещали кружки и спортивные секции... Но родители все равно продолжали читать нотации и все в нашей жизни контролировать. Мама даже год назад читала Лилькин личный дневник и проверяла мой телефон. Помню, как разозлилась тогда Лиля из-за дневника. Сказала, что назло «пойдет по наклонной» и принесет родителям «в подоле», чтобы поняли, как недейственны эти методы. После ее злых слов нас с сестрой почти месяц встречал и провожал водитель отца. Как маленьких.

Конечно, и Лиля блефовала. На самом деле у сестры и в мыслях не было свернуть на кривую дорожку. Она, как и я, в будущем видела себя успешным человеком. Хотела полу-

читать престижное образование и найти хорошую работу. Ни я, ни Лиля не планировали подвести родителей и делали все, что они желали. Но мама все равно нам не доверяла. И не давала ни капельки свободы.

– Когда там Россия завоевала выход к Черному морю?

– Что? – откликнулся я, отрешенно уставившись на Шац.

– Когда Россия завоевала выход к Черному морю? – повторила свой вопрос Сима. – У тебя здесь в тестах десятый вопрос.

– В 1768–1774 годах. В результате войны с Турцией. Это первый вариант ответа, – ответил я, задумчиво глядя Симе в глаза.

– Понятно. Запишем, – смущенно сказала она, перехватив мой внимательный взгляд. А потом задала неожиданный вопрос: – Тебе никто не говорил, что у тебя глаза злые?

– Злые? – переспросил я.

– Ага. Колючие какие-то. Будто ты на меня за что-то вечно сердисься. А еще темные-темные. – Сима склонилась ко мне и добавила: – Я даже зрачков не вижу.

Я и вправду злился из-за того, что Тоня заставила меня заниматься с Шац. Я долго отнекивался, но потом все-таки согласился помочь Симе подготовиться к контрольной. Все-таки не просто так. За это Тоня пообещала прикрыть меня перед мамой. Уж очень заманчиво Макс рассказывал о предстоящей поездке на фест. Перечислил всех, кто с нами поедет. Единственный, кто волновал меня из этого списка –

Аксинья.

Я ничего не ответил Симе. Вместо этого принялся так же внимательно рассматривать ее, как и она меня. Впервые я мог разглядывать лицо Шац близко, раньше не доводилось как-то. Глаза у нее были такие же, как и у меня, – карие. Только светлые. Медово-золотистые, с темными длинными ресницами. И если до сегодняшнего дня Сима мне тоже казалась не самым приветливым человеком на свете, то сейчас она явно вела себя спокойнее и сдержаннее. Наверное, знакомство с мамой на ней так сказалось. Мама своими подозрениями кого угодно может поставить в тупик.

Сима рассеянным движением поправила выбившуюся прядь волос за ухо. Острые высокие скулы, пухлые губы, родинка на щеке, густые каштановые волосы, собранные в небрежный пучок. А еще я заметил шрам на подбородке – светлые рубцы, оставленные от грубых стежков. Этот шрам было видно только когда Сима приподнимала голову и вытягивала шею, чтобы подсмотреть ответ в учебнике. Я старался сильно не пялиться, но все равно нет-нет да косился на ее подбородок. Этот шрам не делал Симу хуже, просто подогревал интерес. Один раз Шац перехватила мой заинтересованный взгляд и нахмурилась:

– Ну, что?

– Просто любопытно, где тебя снова угораздило, – сказал я.

– Ты про шрам? В десять лет упала. Мне родители скейт

подарили. И я решила, что сразу смогу делать классные трюки, как пацаны во дворе. Даже в квартире прокатиться не попробовала. Просто сразу вынесла доску на улицу, поставила на крыльцо, ну и съехала со ступенек на асфальт...

– Да ладно, – усмехнулся я.

– Ну да... Проехалась на подбородке полдвора. Кровищи было... Челюсть вбок съехала, и кость торчала. Это было на майских праздниках. Нам попался бухой врач в травмпункте, который криво наложил мне швы. Ну и вот... Как зажило.

– Ты отчаянная, – сказал я.

– Не то слово, – вздохнула Шац. Отложила в сторону ручку и потерла уставшие пальцы. – Я всегда что-нибудь сначала делаю, а потом думаю о последствиях. Так неправильно, но по-другому я не умею. Меня в прошлой школе Франкенштейном в шутку называли.

– Ты обижалась? – предположил я. – И наверняка дралась.

– Нет! – оскорбилась Сима. – Ты за кого меня принимаешь? За драчунью какую-то?

Действительно. Будто это я в последние несколько дней ввязался сразу в две драки.

– Поначалу переживала, конечно, из-за шрама на лице. А потом смирилась. Я все равно ничего не могу с этим поделать. Так чего париться? И что за несправедливость? Почему шрамы украшают только мужчин?

– Об этом я не задумывался, – улыбнулся я. А потом честно добавил: – Тебе твой тоже идет.

Сима чуть приметно улыбнулась. А я подумал, что если бы у Лили был шрам на лице, она б, наверное, с ума сошла.

Шац больше не брала в руки ручку.

– Устала? – спросил я.

– Есть немного, – ответила Сима, пряча взгляд. Я вообще заметил, что она старается не встречаться со мной глазами. Но если уж мы смотрим друг на друга, то Шац из-за упрямства до последнего не отводит взгляд.

– Тогда на сегодня, думаю, достаточно. Мы разобрали почти весь тест.

– Еще бы все это запомнить теперь, – проворчала Шац.

В этот момент в ее сумке, висящей на спинке стула, завибрировал телефон. Сима тут же полезла за ним.

– Да? – звонко откликнулась она, осторожно косясь на меня.

Я тут же потянулся за своим телефоном, смахнул пальцем блокировку и зашел в мессенджер. Аксиныи не было в сети уже два часа, и мое последнее отправленное сообщение так и оставалось непрочитанным. Я свернул приложение и открыл инсту. Листал ленту и старательно делал вид, что не слушаю, о чем говорит Шац.

Из трубки доносился мужской голос.

– Капец! – воскликнула Сима. – И как это произошло?

Снова кто-то быстро заговорил. Интересно, у Шац есть парень? Почему-то не верилось. Кто сможет вынести эту язву? Хотя я тут же вспомнил слова Тони о том, что Сима дружит

с каким-то нехорошим мальчиком.

– Что теперь будешь делать? А я ведь говорила!

Судя по этой типичной фразочке «А я ведь говорила» – точно бойфренд. Я едва заметно усмехнулся.

– Нет, меня даже не втягивай! Вместе отдуваться не будем... Да? Еще чего? Все! Я не дома. Мне неудобно сейчас говорить. Пока!

Сима сердито нажала на отбой.

– Какие-то неприятности? – спросил я.

– Ага. Один там умник наворотил дел.

– Что-то серьезное?

– Угу. Сплошной криминал.

– Я могу чем-то помочь?

Сима снова уставилась на меня, и теперь в ее взгляде я заметил нескрываемый интерес.

– Слушай, Стахович, ты только не обижайся, ладно? Но тебя, случайно, на самом деле зовут не Питер Паркер? В шкафу костюм Человека-паука не припрятан? Что за магия такая всем помогать?

– Меня так воспитали, – пожал я плечами.

Сима усмехнулась:

– Хорошо, конечно, воспитали, но я сама со всем справлюсь.

Накинув ремень от сумки на плечо, Шац снова замешкалась.

– Ты проводишь меня? А то у вас такая квартира огром-

ная. Боюсь, что заблужусь.

– Конечно, спрашиваешь еще.

Мы вышли из моей комнаты и двинулись по коридору. Сима шла молча и как-то осторожно, разве что на цыпочки при ходьбе не ступала. Будто мы покидали место преступления. Но все-таки пройти мимо большой комнаты незамеченными нам не удалось. Мама снова выглянула в коридор.

– Ну как? Позанимались? – спросила она.

Шац отчего-то страшно смутилась и закивала.

– Лев, ты своей гостье даже чая не предложил, – укоризненно произнесла мама.

– Нам было не до чая, – сказал я. А Шац снова метнула в меня сердитый взгляд. Похоже, мы оба друг друга бесили. По очереди.

– До свидания, – проговорила Сима, обувшись.

– До свидания, Серафима Шац, – отозвалась задумчиво мама.

Когда я закрыл за Симой дверь и обернулся, то встретился с настороженным взглядом матери.

– Серьезно? Шац? А как же твоя Аксинья?

– Мам, мы правда занимались, – сказал я. – Тоня попросила меня подготовить Серафиму к итоговой контрольной.

– Ах, Тоня... – отозвалась эхом мама. – И ты, конечно, согласился на безвозмездной основе?

– Конечно, на безвозмездной, – и глазом не моргнув ответил я.

Мама лишь недоверчиво покачала головой.

– Будь осторожен с этой Симой. Я знала ее маму. Болезненная, нервная девочка...

– И что? – сердито отозвался я. Мама меня опекала даже от одноклассницы, которой я просто помогал с уроками.

– У них по женской линии одни сумасшедшие. Ты ведь знаешь, это может передаваться по наследству.

– Мама, я не собираюсь жениться на Шац, – с раздражением сказал я. – Я всего лишь помогаю ей с историей.

– Верю, верю, – вздохнула мама. – Обними меня?

Я подошел к матери и обнял ее за плечи.

– Ты не знаешь, где твоя сестра? – глухо отозвалась мама. – Уже поздно.

– Понятия не имею.

Чтобы не сорваться на мать, я быстро чмокнул ее в висок и ушел обратно в свою комнату. Аксинья так и не отвечала. Я позвонил ей, но наткнулся на голосовую почту. Иногда она пропадала вот так, и я места не мог себе найти от ревности и мыслей, где ее может носить. А потом Аксинья вдруг объявлялась и еще обижалась, что я ей не доверяю... С такой девушкой не расслабишься. Держит в тонусе.

Я лег на кровать и задумчиво уставился в потолок. С Аксиньи мои мысли перетекли на Шац. Интересно, что стряслось у ее парня? Какой еще криминал? Не удивлюсь, если выяснится, что Сима не шутила. Вот чьи родители могли бы поседеть от беспокойства. Но в школе ходили слухи, что отец

Симы пьет и до дочери ему нет никакого дела...

Серия пятая

Сима

Когда отец был в завязке, то становился невыносимым. Озлобленным, психованным и мнительным. Вдруг прицепился с вопросами, где меня носило после школы. Да еще и не сразу поверил, что я могу посещать репетитора по истории. Потому что, во-первых, с чего бы я так озаботилась своей успеваемостью? А во-вторых, откуда у нас, собственно, деньги на репетитора? Но когда я сказала ему, что нахожусь на грани вылета из школы и с репетитором мне помогла директриса, отец сразу примолк. Понял, видимо, каких масштабов достигли мои протесты против исторички. А еще, надеюсь, ему стало очень стыдно, что он совсем не интересуется моей жизнью и не занимается воспитанием. Хотя, будто он им когда-нибудь занимался... Теперь, когда мамы не стало, мои проблемы решает чужая нам женщина.

Я сказала отцу, что с историей мне помогает племянник Антонины Юрьевны. Абсолютно бесплатно. Хотя, конечно, я сильно сомневалась в том, что Стахович делает это бескорыстно. Явно там что-то нечисто. Наверняка тетушка пообещала что-нибудь за то, что Лев почти месяц будет возиться со мной и разбирать вопросы к контрольной. Да и не каза-

лось, что я вызываю симпатии у «добротого Левушки». И хотя он, как истинно воспитанный мальчик-зайчик, разговаривал со мной вежливо, глаза выдавали в нем раздражение. Темно-карие и колючие. Странно, но после нашего первого занятия в мыслях меня еще долго преследовал этот внимательный взгляд. Правда, не всегда Лев был таким хмурым... В конце занятия даже показался участливым, когда предложил свою помощь. Станный он, конечно, человек. Больше всех ему надо, что ли?

Впрочем, следующие дни я возвращалась домой вовремя. Наши занятия со Львом пришлось приостановить. Стахович подхватил простуду и свалился с температурой.

Помимо терок с одноклассниками и грядущих годовых контрольных, еще и Ляля прибавил мне забот. Оказалось, что та эпичная кража фруктов была снята на видеорегистратор в машине, которая принадлежала другу владельца палатки. Теперь Ляля должен был вернуть внушительную сумму за сами фрукты и накинутый сверху «моральный ущерб». Видимо, за то, что сделал из тех мужиков идиотов. Где взять деньги, Ляля пока не знал, но все так же смело появлялся с пацанами в том самом дворе в беседке. Пока ему дали срок – месяц. Но Ляля свободно разгуливал во дворе и вообще будто не воспринимал угрозу всерьез. А вот я, в отличие от Ляли, грузилась. Мы оба оказались в дурацком положении... Ведь с меня и так трясли деньги одноклассницы. Теперь еще и Ляля вляпался...

В один из вечеров Лялин, как обычно, засел со своими новыми взрослыми друзьями в беседке. Я с ними не водилась, уж слишком они казались мне отбитыми и неинтересными персонажами. Явно с преступными наклонностями. Я боялась, что они могут втянуть Лялю в еще большие неприятности, чем он может вовлечь себя сам. Но Ляля отзывался о них исключительно с восторгом. Говорил, что они крутые, потому что «живут по понятиям». Мне эти самые понятия как раз таки и не нравились.

Во двор я спустилась поздно вечером, когда палатка уже была закрыта. В сумерках у беседки мелькали оранжевые огоньки от сигарет. Я вглядывалась в темноту, пытаюсь отыскать Лялю. Услышав счастливый хохот друга, вздохнула и направилась к беседке.

– О-о, какие люди, – гнусавым голосом протянул тип в кепке, затягиваясь сигаретой. При этом его бледные щеки тут же провалились. Я не знала, как зовут этого взрослого парня, но все приятели называли его Степой из-за фамилии Степанов. Он был примером типичного районного «старшака», который научит молодежь плохому. Такие ребята застряли где-то в начале нулевых и не собирались оттуда выбираться. – Серафимочка, привет! Выпьешь с нами?

Ляля окинул меня встревоженным взглядом. Он знал, что я могу ляпнуть что-то не то. Еще подорву его авторитет в этой взрослой компании. С натянутым на голову капюшоном друг сидел на спинке скамейки, поставив на сиденье ноги.

Его светлая толстовка белела в сумерках.

– Нет, спасибо, – тихо откликнулась я, удивившись, что этот Степа знает мое имя. – Я за Лялей.

– А-а, дело молодое, – загоготали парни. Они считали, что мы встречаемся, и Ляля почему-то это никогда не отрицал. Друг с готовностью прыгнул со скамейки и, взяв меня под локоть, повел в противоположную сторону от беседки. В спины нам донеслось дебильное улюлюканье. Хриплые благословения: «Совет вам да любовь!»

– Сима, ты зачем сюда явилась? – сердито спросил Ляля, когда мы отошли от беседки и встали в круге света уличного фонаря. – Это не твоя компания.

– И не твоя, – упрямо сказала я. Ляля знал, как я отношусь к этим «старшкам». Но ему, словно маленькому мальчишке, непременно хотелось «научиться плохому». Хотя почему «словно»? Малолетка он и есть...

– Не начинай, – поморщился Ляля.

– Хорошо. Но ты сам просил, чтобы я сегодня спустилась во двор. У тебя же есть какая-то тема...

– О, да.

– Надеюсь, она не связана с ними? – кивнула я в сторону беседки, откуда доносился неприятный гогот.

– Пока нет, – уклончиво ответил Ляля. – Но тема классная!

– Я не сомневаюсь. У тебя все темы классные, – хмыкнула я.

Ляля явно не оценил моего сарказма и казался очень воодушевленным. Когда снова послышался громкий ржач, Ляля поморщился.

– Только, может, мы это в другое время обсудим?

Домой мне возвращаться не хотелось. Перед тем, как выйти из квартиры, я снова поссорилась с отцом. Он опять закатил скандал на тему: «Куда ты собралась на ночь глядя». Забавно, но когда он пил, моя судьба его ни капельки не волновала. А тут вдруг начал беспокоиться...

– Отец пока в завязке, – сказала я. – Новую работу наконец нашел.

Ляля с пониманием кивнул. Для нас фраза «Отец в завязке» означала: «Побудь сейчас со мной, пожалуйста. Дома невыносимо».

– Ладно, давай тогда прогуляемся, – предложил друг.

Я взяла Лялина под локоть, и вдвоем мы, как почтенная парочка пенсионеров, неспешно направились по тускло освещенному двору мимо горящих желтых окон пятиэтажек.

– Ты помнишь моего кума Альберта? – спросил Ляля.

Я не помнила никакого Альберта, да еще и слово «кум» из уст важного Лялина меня почему-то развеселило. Поэтому я расхохоталась.

– Нет, не помню!

– Твой несерьезный подход к нашему будущему бизнесу мне не нравится, – покачал головой Лялин.

– Ляля, ты сбрендил? Какой еще будущий бизнес? Ты с

ума сошел, бизнесмен недоделанный?

– Ты зачем обзываешься, Сима? Меня это, знаешь ли, не очень воодушевляет. Хотя чему удивляться? За каждым великим мужчиной стоит женщина, которая в него не верит.

Я пихнула Лялю локтем. За этим глупым разговором мы вышли из нашего двора на шумный широкий проспект. Рядом шуршали шинами машины, со всех сторон доносились разрозненные голоса.

– Я знаю, где мне можно бабки достать, – продолжил Ляля. – Ты ведь говорила, что торчишь деньги одноклассникам? Я и для тебя заработаю.

– Да не собираюсь я ничего им отдавать! – возмущенно воскликнула я. – Перетопчутся! Сами первые начали...

– Жаль, Армен из палатки перетоптаться не захочет, – вздохнул Ляля. – Поэтому мне кэш хоть как нужен.

– Ну так и что там твой кум? – снова едва не расхохотавшись, спросила я.

– Короче, мы тут с ним перезванивались на днях. Все было в подвешенном состоянии, поэтому я тебе сразу не говорил. Но теперь он готов взять меня в команду...

– В какую команду? – встряла я. – «Альберт и его команда»?

– Ага. «Альберт и партнеры».

– Seriously, Ляля! Опять какой-то криминал?

– Почему сразу криминал? – оскорбился друг. – Просто, возможно, не совсем легально...

– Ляля, не темни, – нахмурилась я.

– Ты слышала что-нибудь о черных археологах?

– Черные археологи?

– Ага. Копатели.

О черных археологах я ничего не слышала, как и о «куме Альберте». Это Ляля понял по моему выражению лица. Он тяжело вздохнул и продолжил:

– Не смотрела фильм «Мы из будущего»?

– Это который с Козловским? – припомнила я.

– Ну да. Все как в том фильме. Берешь металлоискатель, лопату и вперед – навстречу приключениям.

– А что искать-то?

– Да мало ли... Медали, монеты старые, ценные вещицы... Повезет – настоящий клад найдешь.

– Так это еще надо знать, где искать, – разочарованно сказала я.

– Так ты меня не дослушала, – рассердился Ляля. – Конечно, все «рыбные места» жестко крышуются, но у Альберта есть связи. Он даже кладоискательские туры устраивал. Говорит, старые монеты можно толкнуть и хорошо на этом навариться. Альберт сейчас проверенное место нашел, одну заброшенную деревеньку. Куму руки лишние нужны, территория большая. Все, что найду, – мое. Ему только процент небольшой отстегну...

– По-моему, твой Альберт просто не хочет заниматься грязной работой, а хочет пожинать плоды, – усмехнулась я.

– Да ты что! Это знаешь, как интересно? Азарт, экстрим... Поиск настоящего клада! Такой кайф! А хочешь со мной? Только металлоискатель нужен.

– И где ты возьмешь металлоискатель?

– В том-то и дело, что есть один варик, – склонившись к моему уху, заговорщически произнес Ляля.

У Ляли всегда были «темы», «варики», «решения»... Его бы энергию и ум в нужное русло, великим человеком бы был. Мне даже интересно стало, где он может достать металлоискатель. Мне казалось, что качественный стоит немалых денег, которых у Ляли явно нет.

– Ты ведь помнишь Василия Владимировича? Ну, мамка моя полы у него моет... Так вот он таким тоже промышляет. Но у него что-то вроде хобби... Чисто из спортивного интереса. По-моему, он даже ничего ни разу не находил, потому что особо не знает, где искать. Так вот мамка как-то обмолвилась, что он почти за полторы штуки баксов себе новый металлоискатель купил. Говорила, вот, мол, людям бабки девать больше некуда. С жиру бесятся. Сима, ты представляешь, какая судьба?

– Ляля, ты о чем? Алло! Он ведь не тебе его купил, какая ж это судьба? Или что же ты, явишься к нему и скажешь: «Здравствуйте, дяденька, вы меня не знаете, я сын тети Оли, она у вас полы моет. Не дадите ли мне штучку вашу новую за полтора косаря баксов попользоваться? Вы все равно, лох такой, ничего не находите, а у меня есть прошаренный кум...

Мне нужнее!» Так, что ли? – ехидно спросила я.

– Ты за кого меня принимаешь? – оскорбился Ляля. – Вот мне еще дурака из себя строить. Я его так возьму. Без спроса.

– Без спроса? – поразилась я.

– Ну да. Василий Владимирович сейчас в отъезде до сентября. На море. У него дача в Щелкино. А маме он ключи оставил, чтобы она все лето цветочки поливала.

– Вот ты все-таки дурак, Лялин, и есть, – покачала я головой. – Еще и маму втянуть в свои незаконные делишки решил? А если ты эту штуковину сломаешь?

– Чего это я ее сломаю? Я ж инструкцию изучу! Что у меня, по-твоему, на плечах вместо головы?

– Дуриан! – огрызнулась я. – А если этот мужик поймет, что в его доме кто-то без спросу шарился? Ты о маме своей подумал? Он ведь сразу на нее все свалит! И сколько лет она на него работает? Ты же ее подведешь. Это еще хорошо, если просто уволит... А если заяву накает?

– Да ниче он не поймет! – кипятился Ляля. – Работает профи!

– Профи? – расхохоталась я. – Не тот ли это профи, чья глупая кража клубники на видеорегистратор попала? А если у того мужика дома тоже камеры?

– Нет там никаких камер! – продолжал психовать Ляля. Мы даже руки расцепили и теперь брели по проспекту порознь. – Будто я только о себе думаю!

– А о ком еще?

– Мне эти деньги позарез нужны! За фрукты надо отдать... Тебе хотел помочь. А еще лекарства деду купить. Мать одна не вывозит. На работу школьников не особо охотно берут, знаешь ли. Не напомнишь, чем моя последняя подработка закончилась?

На последней подработке, где Ляля все весенние каникулы грузил ящики со стройматериалами, его кинули. Для того чтобы выплатили деньги, другу пришлось подключать того же Степанова с другими «старшаками». Может, после этого случая Ляля к ним и прикипел всей душой...

– Ляля, я все-таки против, – заключила я. – Зачем ты мне вообще это рассказал?

– Думал до отъезда у тебя эту штуку хранить. Мама бы не поняла, если б нашла металлоискатель Василь Владимировича.

– Еще бы, – хмыкнула я. – А мой отец, думаешь, поймет?

– Да он и внимания не обратит. Если спрячешь в своей комнате, так и вообще не сунется. Это моя маман, как затеет уборку, так все углы облазит. Это у нее, наверное, профессиональное.

– Не знаю, мне все это не нравится... – начала я, но потом резко замолчала.

– Что?

– Ладно, потом договорим!

Небо уже было совсем черным. Мы шли мимо освещенных витрин. Несмотря на поздний час, машины по-прежнему

му двигались сплошным потоком. На перекрестках мигали светофоры.

Навстречу нам по оживленному проспекту шел Стахович, держа за руку девушку. Девушка эта была необыкновенно красива – вся такая из себя. Фигуристая, изящная, золотистые густые волосы рассыпались по плечам... Когда я рассмотрела ее ближе, то поняла, что не раз видела эту девушку в нашей школе. Правда, давно... Значит, она уже выпустилась. Они со Стаховичем смотрели друг на друга влюбленными взглядами, и, казалось, не замечали ничего вокруг... Ни многочисленных прохожих, ни шумных машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.